

1. Патриарх Филарет Никитич

На религиозную унию смотрело польское правительство, по крайней мере вначале, как на лучшее средство, чтобы скрепить политическую унию двух главных народов, входивших в состав Польши, русских и поляков, разрозненных по вере, и чтобы совершенно и навсегда отторгнуть этих русских от Москвы, куда невольно влекло их православие, содержимое ими и процветавшее в Москве. А между тем последствия скоро показали, что эта самая уния религиозная, которую с таким рвением старались навязать русским в Польше, всего более отталкивала их от Польши, всего более заставляла их устремлять свои взоры на единоплеменную и единоверную Москву и желать, искать воссоединения с нею. Первый православный митрополит в Западнорусском крае после введения там унии, Иов Борецкий, как мы видели, уже присылал в Москву своего посла с просьбою к государю, чтобы он принял Малороссию под свою высокую руку. Посол этот свидетельствовал: "У нас та мысль крепка, мы все под государевою рукою быть хотим". Второй митрополит, Исаия Копинский также обращался к московскому царю и патриарху с просьбою выслать ему святых мощей, пожаловать ему архиерейскую ризницу и не отвергнуть его в случае, если свирепствующие гонения за веру заставят его искать себе убежища в православной Московской державе. При третьем митрополите, Петре Могиле, действительно бежали из Малороссии от гонения ляхов на православную веру целых два монастыря, Густынский и Ладинский, и нашли себе приют в московских пределах по воле государя, а сам Могила несколько раз сносился с московским царем и просил материальных пособий себе и киевским церквам и монастырям, равно богослужебных книг и разной церковной утвари. Наконец то, чего так ясно желал Иов Борецкий и в чем сознавали нужду два его преемника, исполнилось при четвертом православном митрополите Западнорусского края.

Когда Петра Могилы не стало (в ночь на 1 января 1647 г.), киевская митрополитская софийская капитула разослала по всей митрополии листы к православному духовенству и дворянам, приглашая их к 25 февраля в Киев на выборы нового первосвященителя. В назначенный день все прибывшие собрались в Софийский кафедральный собор, и здесь единодушно и единогласно, без всякого противоречия, избрали на митрополию епископа Мстиславского, Оршанского и Могилевского Сильвестра Коссова как "известного древностию своего рода, высокими достоинствами, благочестием и расторопностию, а вместе горячностью и твердостью в православной вере", и обязались повиноваться ему как своему архипастырю и просить короля, чтобы утвердил избранного ими митрополита своею привилегиею. Акт избрания подписали более двадцати духовных особ и до пятидесяти светских. В числе духовных находились: Афанасий Лузина, епископ Луцкий, Иннокентий Гизель, ректор

киевско-братского коллегиума, бывшие сослуживцы Коссова по тому же коллегиуму; Исаия Трофимович Козловский, игумен никольский, Игнатий Оксенович Старушич, игумен выдубицкий, и Иосиф Кононович Горбацкий, игумен Михайловский, многие другие настоятели и наместники монастырей, протоиереи и священники. Во главе светских подписался Адам Кисель, кастелян киевский; за ним следовали три князя Четвертинские, валашский господарь Моисей Могила, родной брат скончавшегося митрополита Петра Могилы, и другие. Будучи избран на митрополитскую кафедру, Сильвестр Коссов не мог быть избран вместе и на другую важную должность, которую занимал его предместник, на должность архимандрита Киево-Печерской лавры, так как должность эта была предоставлена королем Владиславом только лично Петру Могиле до его живота. И братия лавры на основании давнего своего права, пригласив к себе ближайших к Киеву дворян, еще 25 января избрали себе настоятелем человека, которого рекомендовал им пред своею кончиною сам Петр Могила, именно старшего (игумена) виленского Свято-Духова братского монастыря Иосифа Тризну, который происходил из знатного старинного рода, с ранних лет был пострижен и воспитывался в Киевской лавре и хорошо знал инокский закон и богословские науки. Иосиф Тризна уже участвовал в избрании митрополита Сильвестра Коссова и подписался под актом избрания как "архимандрит печерский киевский, старший монастыря братского Виленского". Но, не получив в свое управление богатой Киево-Печерской лавры, митрополит Сильвестр удерживал за собою до 1650 г. свою прежнюю епископскую кафедру с ее имениями, почему и писался: "Сильвестр Коссов, милостию Божиею архиепископ митрополит Киевский, Галицкий и всея России, епископ Мстиславский, Оршанский и Могилевский". Нет сомнения, что король утвердил нового митрополита своею грамотою и патриарх Цареградский не только дал свое благословение на посвящение его, но и облек его званием своего экзарха: Коссов, подобно Могиле, писался экзархом Константинопольского патриаршего престола.

К концу года, в который вступил на свою кафедру митрополит Коссов, началось в Юго-Западном крае то великое движение против Польши, которое повело к присоединению Малороссии к Великой России, а затем и к присоединению Киевской митрополии к Московскому патриархату. Прошло уже пятьдесят лет, как на западе России, находившемся под властью Польши, появилась уния, а вслед за нею обрушились на русских всякого рода бедствия. Их, православных, заставляли отречься от своей родной веры; у них отнимали церкви и монастыри, отнимали пастырей и архипастырей, отнимали имущество; их за веру волочили по судам, заключали в темницы, лишали гражданских прав, доводили до совершенного разорения. На защиту православия восстали казаки, но скоро и сами подверглись тяжким стеснениям от польского правительства. Число казаков уменьшено до шести тысяч; вместо гетманов и полковников, которых прежде они сами избирали себе из среды своей, им стали давать гетманов и полковников от Короны. И эти нелюбимые начальники не выдавали казакам жалованья, употребляли их на черные работы, посягали на их собственность и вообще обходились с ними как бы с своими хлопами. Всего же несноснее была участь действительных хлопов, русских крестьян, живших в

имениях польских панов. Эти паны, католики или окатоличившиеся русские, имели право жизни и смерти над своими крестьянами, обременяли их повинностями и работами, распоряжались по произволу их имуществом, вторгались в их семейный быт. Многие паны, лентясь управлять имениями сами, отдавали их в аренду жидам, а вместе с имениями отдавали в аренду самих крестьян и самые их церкви, и жида издевались над несчастными хлопами и их верою как хотели; ключи от церквей держали у себя и брали с православных пошлины за всякое богослужение и требоисправление, за крещение, за венчание, за погребение и пр. Жалобы на обиды раздавались непрестанно на всем пространстве Западнорусского края, но напрасно. На каждый сейм отправляли казаки и вообще православные своих депутатов с просьбами и требованиями о защите и справедливости, но эти просьбы или оставлялись без внимания, или отлагались до будущих сеймов, или если и исполнялись в некоторой степени, то только на бумаге, а отнюдь не на деле. Выведенные из терпения невыносимыми гонениями, многие южноруссы целыми семействами бежали из польских пределов в московские и селились здесь с разрешения правительства по рекам Донцу, Ворскле и другим на окраинах государства, а казаки несколько раз восставали с оружием в руках на своих притеснителей в защиту своих прав и своей веры. Замечательнейшие из таких восстаний были в двадцатых годах XVII столетия под предводительством гетмана Тараса, а в тридцатых - под предводительством гетмана Павла и потом гетмана Остраницы. Но восстания эти имели мало успеха и оканчивались страшными казнями предводителей и новыми, тягчайшими притеснениями всем казакам. Такое же восстание против панов поляков, утеснителей русской веры и казачества, задумал теперь и сотник чигиринского полка Зиновий Богдан Хмельницкий, "козак, по свидетельству самовидца, расторопный в делах козацких военных, в письме сведущий и часто бывавший в посольстве у королевского двора". Поводом к восстанию послужили для Хмельницкого тяжкие личные обиды, каким подвергся он от панов державцев польских. Пан Чаплицкий, подстароста чигиринский, выпросил себе у чигиринского старосты, краковского кастеляна и великого гетмана коронного Станислава Конецпольского (скончавшегося весною 1646 г.) принадлежавший Хмельницкому родовой хутор Субботово, неподалеку от Чигирина, и с шайкою голодных людей сделал наезд на этот хутор и завладел гумном, в котором находилось 40 копен хлеба, а всех домашних Хмельницкого заковал в цепи. Хмельницкий поспешил в Варшаву и выпросил себе у короля Владислава подтвердительную грамоту от 22 июля 1646 г. на владение хутором Субботовым, но грамота ничего не помогла. Хмельницкий принес жалобу в суд на Чаплицкого, но жалоба не была уважена и только еще более раздражила Чаплицкого, который приказал своей дворне схватить сына Хмельницкого, десятилетнего мальчика, и высечь его среди базара плетьюми так жестоко, что он чуть живым принесен был домой и вскоре потом умер. А зять Чаплицкого, пан Комаровский, несколько раз клялся в присутствии разных казаков, что если им, т. е. Чаплицкому и Комаровскому, не удастся сладить с Хмельницким, то они непременно убьют или прикажут убить его. В том же 1646 г., когда Хмельницкий возил к краковскому кастеляну двух пленных татар, в отсутствие его взяли у него из конюшни коня, на котором он

езжал в степи. А в следующем 1647 г., когда Хмельницкий ехал подле своего полковника навстречу татарам, сделавшим набег на Чигирин, лях Дашевский, подговоренный кем-то, так сильно ударил сзади Хмельницкого по голове, что размозжил бы ему череп, если б не защитил его железный шлем. Наконец, и новый староста чигиринский, сын прежнего, Александр Конецпольский, хорунжий коронный, поверив клеветам на Хмельницкого, будто он замышляет отправить в море вооруженные суда, и подстрекаемый Чаплицким, разгневался на Хмельницкого и велел искать случая взять его под стражу и отрубить ему голову.

Находясь в таком безвыходном положении около двух лет, Хмельницкий старался обдумать, как бы успешнее повести свое восстание. Он открыл свое намерение Киевскому архиепископу митрополиту, просил его совета и благословения, указывая, без сомнения, прежде всего на те стеснения, какие терпела от поляков православная вера. И митрополит не только дал свое благословение, но и сказал, что пусть будет проклят всяк, кто не примет участия в таком деле, имея возможность помогать ему умом или оружием. С другой стороны, Хмельницкий позаботился достать себе такой документ, которым мог бы убедить казаков, что он подымает оружие вовсе не против короля Владислава, расположенного к казакам, а против своевольных панов польских, и притом "не без ведома и позволения короля". Впоследствии сам Хмельницкий рассказывал об этом следующее: когда мы с полковником Барабашем и другими знатными товарищами находились в 1633 г. при коронации короля Владислава, который особою грамотою подтвердил все наши давние права и вольности, войсковые и малороссийские, и свободу нашей православной веры, то он, прощаясь с нами наедине, говорил нам, чтобы мы твердо стояли при своих правах и привилегиях, не давая их в поругание полякам, и присовокупил: "А если бы польские паны или дозорцы не стали уважать ваших привилегий, то вы имеете при боку мушкет и саблю; ими и можете оборонять от поляков свои права и вольности". Через несколько лет вследствие непрекращавшихся притеснений от поляков мы все с Барабашем вновь послали к королю свою жалобу чрез нарочитых послов, и король не только устно, но и "приватным листом своим королевским до Барабаша и до всех нас, казаков" повторил и подтвердил то же королевское свое слово, т. е. что мы "для обороны прав наших имеем мушкет и саблю". Но Барабаш, недруг и нежелатель добра нашей отчизне, скрывал у себя это королевское слово и позволение и не объявлял казакам. И потому я, призвав Бога на помощь, отобрал хитростию у Барабаша эту королевскую привилегию, чтобы начать войну с поляками "за позволением королевским" Достав этот важный документ, Хмельницкий тотчас же объявил его нескольким казакам, своим друзьям, и вместе с ними 7 декабря 1647 г. бежал в Запорожье.

В Запорожье нашел Хмельницкий не больше 300 казаков, которым, без сомнения, и рассказал как о своей решимости воевать с поляками, так и о том, что имеет на это благословение митрополита и даже позволение, или грамоту, от самого короля. На клич Хмельницкого быстро начали стекаться к нему казаки со всех сторон. В феврале или в первых числах марта 1648 г., когда у

Хмельницкого было уже до пяти тысяч казаков, он отправил четырех послов к крымскому хану Ислам-Гирею просить союза и помощи против Польши. Хан охотно согласился, прислал к Хмельницкому знатных мурз для заключения договора, а к концу апреля прислал и татарскую орду. Когда орда вступила в Запорожье, все собравшееся там казацкое войско пристало к ней и признало своим "старшим", или вождем, Хмельницкого. Знали о всем этом польские военачальники, коронный гетман Николай Потоцкий и полевой - Калиновский, и вступили с войсками в Украину. Отпраздновав Пасху в Черкассах, они двинулись против Хмельницкого, а впереди отправили два шеститысячные отряда: один на лодках по Днепру, состоявший преимущественно из реестровых казаков под предводительством Барабаша; другой - сухим путем, состоявший преимущественно из коронного войска под предводительством Стефана Потоцкого, сына гетманова. Но плывшие на лодках казаки, не доходя еще до Днепровских порогов, умертвили своего вождя Барабаша, перекололи бывшую с ними немецкую пехоту и передались Хмельницкому, стоявшему у урочища Желтые Воды. Тогда Хмельницкий напал на сухопутный отряд польского войска, из которого также все казаки передались ему, и в продолжение трех дней (5 - 8 мая) истребил этот отряд совершенно, причем ранен был и молодой Потоцкий, вскоре скончавшийся в плену. Ободренный таким успехом, Хмельницкий двинулся навстречу самим гетманам Потоцкому и Калиновскому, которые между тем начали отступать, настиг их (16 мая) у Корсуня, на реке Росе, разгромил все их войско, а обоих гетманов взял в плен и отдал союзникам своим - татарам.

После этой победы, остановившись с войском у Белой Церкви, Хмельницкий начал рассылать свои грамоты. Разослал свои универсалы по всей Малороссии (от 28 мая), в которых, упомянув кратко о своих победах и изобразив яркими красками те жестокие утеснения, какие терпели православные жители края от поляков и от их арендаторов, жидов, в вере, чести, имуществе и самой жизни, призывал всех, "кому мила вера благочестивая, от поляков на унию претворенная" и дорога целость отчизны, взяться за оружие и спешить к нему под Белую Церковь и удостоверять, что он воюет с поляками не без ведома и позволения самого короля и имеет у себя о том его лист. Послал грамоту московскому царю Алексею Михайловичу (от 8 июня) и, извещая его так же

кратко о своих победах и о смерти короля Владислава (20 мая), говорил: "Мы желали бы себе такого самодержца государя в своей земле, как Ваша царская вельможность, православный христианский царь... мы со всем войском запорожским готовы услужить Вашей царской вельможности"; просил только, чтобы царь, если поляки снова захотят наступить на Малороссию, поспешил с своей стороны наступить на них и тем оказал помощь казакам. Послал две грамоты и к королю Владиславу, писанные, вероятно, прежде, нежели получена была весть о его кончине: одну от себя, другую от всего казачества. В первой, сказав в общих чертах о нестерпимых обидах, вынудивших казаков поднять оружие против Польши, Хмельницкий уверял короля в их неизменной верности и преданности его королевской милости и просил простить казакам их невольный грех и оставить их при древних их правах и привилегиях. Во второй

грамоте те же обиды излагались подробно, в четырнадцати статьях, и повторялась та же просьба. Но казацкие послы уже не застали в живых Владислава и представили принесенные грамоты бывшему тогда конвокационному сейму. Сейм от 22 июля отвечал казакам, что ввиду их раскаяния готов простить их вину, если только они возвратят пленных, выдадут виновников возмущения и прервут всякую связь с крымцами, и что посылает к ним своих комиссаров для подробных переговоров. Напрасно! Универсалы Хмельницкого разосланные по Украине, произвели страшное действие. Вся страна была в восстании. Жители бросали свои дома и шли в казаки; одни присоединялись к войску Хмельницкого, другие составляли особые шайки, избирали себе вождей и производили величайшие неистовства по селам и городам: везде избивали ляхов и жидов, кроме тех, которые решались принять православие, разрушали костелы, умерщвляли латинское духовенство. Все крестьяне поднялись на своих панов, грабили и разоряли их дома и имения, истребляли их самих с их семействами. Комиссары, во главе которых находился Адам Кисель, встречали на пути своем крайние затруднения среди таких волнений в стране и едва к концу августа могли войти в сношения с Хмельницким, но не имели никакого успеха. Не помогло им и участие Киевского митрополита Сильвестра Коссова, к которому обратились они с письмом и который находился тогда, по своему ли желанию или по поручению польского правительства, в казацком войске, убеждая казаков к заключению мира. В 20-й день сентября Хмельницкий, у которого было уже более ста тысяч войска, разбил поляков под Пилявцами и обратил их в постыдное бегство; потом двинулся с войском и татарскою ордою к городу Львову и взял с него окуп, из Львова - к Замостью, где и остановился.

Отсюда шайки казаков и татар рассеялись по всей Волыни и опустошили города: Острог, Заславль, Луцк, Владимир, Кобрин, Брест Литовский, везде избивая жидов и ляхов. Так продолжалось до избрания (17 ноября) нового короля Яна Казимира, который еще прежде, чем был избран, писал к Хмельницкому, что не будет мстить казакам и подтвердит все их права. Теперь, как только этот король, извещая Хмельницкого о своем избрании, приказал ему прекратить смуту, Хмельницкий повиновался и поворотил свое войско от Замостья в Украину, к Чигирину и Киеву.

Прошел год, как Хмельницкий, униженный и беззащитный, принужден был спасать свою жизнь бегством из Украины. Теперь, в 17-й день декабря 1648 г., он въезжал в столицу Украины Киев с величайшим торжеством. Случилось так, что в Киеве находился тогда Иерусалимский патриарх Паисий, путешествовавший в Москву за милостынею. Он сам выехал навстречу к Хмельницкому из города, окруженный тысячею всадников, а митрополит Киевский, бывший тут же, посадил Хмельницкого в свои сани и дал ему место подле себя, с правой стороны. Весь народ, вышедши из города, вся чернь приветствовали героя, а академия (т. е. киево-братский коллегиум) чествовала его речами и восклицаниями, как Моисея, защитника, спасителя и освободителя народа от польского рабства, и по имени его - Богдан называла его от Бога

данным. Патриарх дал ему титул светлейшего князя. Из всех пушек и других орудий в замке и в городе раздавалась пальба.

На обеде у печерского архимандрита Хмельницкий сидел на первом месте. В день именин Богдана, т. е. Феодора, Хмельницкого, вероятно, 27 декабря, когда бывает память святого Феодора Начертанного, сам патриарх совершал литургию. Хмельницкий стоял в церкви на первом месте, и все выражали к нему благоговение, а некоторые целовали его ноги. Под конец обедни патриарх пригласил Хмельницкого к святому причастию. Хмельницкий сначала не решался, потому что не был на исповеди. Но патриарх будто бы дал ему публично разрешение от всех грехов, настоящих и будущих, и сказал ему: иди и причащайся. Тут же в церкви патриарх будто бы совершил бракосочетание Хмельницкого с бывшею наложницею врага его - Чаплицкого, хотя она не присутствовала в церкви, а находилась в Чигирине, и дал Хмельницкому благословение на ляхов. Вслед за тем происходила пальба из пушек по случаю торжества. Хмельницкий подарил патриарху шесть лошадей и тысячу золотых. В следующие дни патриарх вел с Хмельницким тайные переговоры и потом отправился в Москву. На следующий день после своих именин Хмельницкий дал гетманскую грамоту Киево-Печерскому женскому монастырю, в которой приказывал крестьянам села Подгорцев быть по-старому в послушании этому монастырю, отбывать на него работы и другие повинности и объявлял вообще: "Мы со всем войском не хотим отнимать крестьян у монастырей, на войсковую услугу даст Бог охотников и без церковных людей". Таким объявлением он успокаивал духовенство относительно его владельческих прав и привлекал его к себе. Из Киева Хмельницкий переехал на короткое время в Чигирин, потом в Переяслав. Сюда стеклись к нему послы из соседних государств: из Турции, Валахии, Молдавии, Венгрии, Трансильвании и из самой Москвы от царя Алексея Михайловича. Все они приветствовали могущественного гетмана с одержанными победами и искали возможности заключить с ним союз от имени своих государей. Московский посол Унковский, как были слухи, будто бы спрашивал Хмельницкого: действительно ли он воюет только за веру? Если за веру, то царь готов прислать ему 40 тысяч вспомогательного войска с тем, однако ж, условием, чтоб царю уступлена была пограничная часть Украины. Сюда же прибыли к Хмельницкому и комиссары от нового польского короля: Адам Кисель, сделавшийся уже по воле короля воеводою киевским, и его товарищи. Во время пути их, когда они останавливались (23 января 1649 г.) в Белогородне, неподалеку от Киева, к ним приезжали Киевский митрополит и печерский архимандрит для тайных переговоров с паном воеводою, а чрез пять дней пан воевода ездил под Киев для переговоров с митрополитом и архимандритом. Хмельницкий встретил (9 февраля) комиссаров с большою честью, принял от них при торжественной обстановке гетманскую булаву и знамя, присланные ему королем, выслушал королевскую грамоту, объявлявшую прощение всех прежних его проступков, свободу православной веры, умножение реестровых казаков, восстановление их прежних прав и преимуществ, и благодарил короля за великие милости, которых от него удостоился. Но вступать в переговоры с комиссарами решительно отказывался, несмотря на все их убеждения, и, между прочим,

говорил: "Много было времени вести переговоры со мною... теперь уже не время. Я исторгну весь русский народ из польской неволи. Прежде я воевал за причиненный мне вред и за свою обиду, теперь пойду сражаться за нашу православную веру. Вся чернь по Люблин и Краков будет помогать мне в этом деле... Сам патриарх благословил меня в Киеве на эту войну, венчал меня с моею женою, разрешил меня от грехов, хотя бы я и не исповедовался, и приказал мне совершенно истребить ляхов; как же мне не слушаться великого и святого владыки, главы нашей, и любезнейшего гостя?" Наконец, Хмельницкий согласился только заключить перемирие до Троицына дня и, отпуская комиссаров (16 февраля), вручил им на бумаге свои условия, на которых он может согласиться и на заключение мира и в которых требовал, чтобы в Киевском воеводстве и во всей Руси не было унии и не поминалось даже самого ее имени, чтобы Киевский митрополит имел место в сенате первое после архиепископа Гнезненского; чтобы запорожское войско само избирало себе гетмана и он правил Киевом и всеми городами и областями за Днепром; чтобы паны и шляхта уступили свои имения, села и деревни за Днепром запорожскому войску навсегда; чтобы жидам и жидовским арендам за Днепром никогда не быть и пр.

Хмельницкий понимал, что условий его поляки не примут, и начал готовиться к новой войне с ними, сносился с Крымом и с Москвою. В апреле 1649 г. он поручал одному игумену, Павлу, отправлявшемуся в Москву, сказать там Иерусалимскому патриарху, "чтоб государь пожаловал велел его, гетмана, и запорожских черкас принять под свою государскую высокую руку и помочь им учинил, а ныне-де они, сложась с крымскими татары, хотят вести войну с поляки". А в мае месяце присылал в Москву чигиринского полковника Вешняка с грамотою, в которой писал от лица всех запорожских казаков к царю Алексею Михайловичу: "Нас, слуг своих, до милости царского своего величества приими и благослови, яко православный государь, рати своей на наступцов наших и за веру православную наступити... Вашему царскому величеству низко бьем челом: от милости своей не отдаляй нас, а мы Бога о том молим, чтоб Ваше царское величество, яко правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцею был". Царь Алексей Михайлович отвечал (от 13 июня): "Доброе хотение Ваше служить нам со всем запорожским войском жалуем и похваляем, но послать Вам рать нашу на помощь против ваших неприятелей не можем, потому что, как мы извещали Вас и в прежней нашей грамоте (посланной, вероятно, с послом Чиковским), у нас с Польшею уже давно "учинено вечное докончанье", которого нарушить невозможно. Если же король польский "тебя, гетмана, и все войско запорожское учинит свободных, без нарушения вечного докончанья, и мы, великий государь, тебя, гетмана, и все войско запорожское пожалуем, под нашу царского величества высокую руку принять велим". Между тем еще прежде, нежели был получен этот ответ царя, Хмельницкий выступил с своим войском из Чигирина и, подвигаясь весьма медленно, напал (29 июня) вместе с ханом на польское войско, окопавшееся под Збаражем, и целый месяц держал его в осаде, а когда на помощь осажденным приближалось новое войско под предводительством самого короля Яна Казимира, напал и на это войско и нанес ему (5 августа) сильное поражение под Зборовом. Король

принужден был заключить (9 августа) и с крымцами и с казаками выгодный для них договор. В договоре с казаками было постановлено: а) войско запорожское остается при всех давних своих вольностях и будет простираться до 40000 человек; б) Чигирин с округом отдается гетману Хмельницкому и навсегда имеет оставаться за гетманом запорожского войска; в) жидам не быть на Украине, где казаки имеют свои полки; г) об унии, как в Польше, так и в Великом княжестве Литовском, о церковных имениях и о всех правах Церкви будет рассуждено и постановлено вместе с Киевским митрополитом и духовенством на ближайшем сейме, чтобы желание митрополита исполнилось и каждый пользовался своими правами, а место в сенате Киевскому митрополиту король позволяет иметь; д) все должности и чины в воеводствах Киевском, Черниговском и Брацлавском король обещает раздавать только дворянам православной веры; е) в Киеве, где находятся русские школы, равно и в других украинских городах, не могут оставаться иезуиты, и все русские школы в тех городах должны оставаться в целостности и пр.

К 22 ноября король созвал в Варшаве чрезвычайный сейм, который должен был рассмотреть статьи Зборовского договора. Прибыл на сейм и Киевский митрополит Коссов с Львовским епископом, киево-печерским архимандритом и многими другими духовными лицами, прибыли и послы гетмана Хмельницкого. Сейм продолжался шесть недель, и заседания его были очень бурны. Представители православного духовенства и казачества настоятельно требовали, чтобы договор был утвержден и чтобы уния была уничтожена. Паны рады, светские и духовные, и вообще латинские члены сейма упорно противились некоторым статьям, долго спорили, но, наконец, принуждены были покориться необходимости: договор был утвержден. Только архиепископы и епископы латинские тут же объявили, что они выйдут из сената, если в нем будет заседать схизматический митрополит. В последний день сейма (12 января 1650 г.) король издал на основании Зборовского договора, утвержденного сеймом, диплом следующего содержания, касавшийся собственно православной веры и Церкви: 1) дозволяется всему народу русскому, находящемуся не в унии, как было и прежде, свободное исповедание веры, а Киевскому митрополиту - ношение креста в подведомых ему епархиях (а о месте в сенате совсем не упомянуто); 2) церковные суды у православных на основании данной им королем Сигизмундом грамоты 1511 г. должны совершаться ненарушимо; 3) дозволяются все православные братства даже в тех местах, где прежде они были запрещены, как-то: в Смоленске, Бельске, равно и школы, находящиеся в Киеве и других местах, и типографии, а цензура книг оставляется за митрополитом и епископами в их епархиях; 4) утверждается, чтобы русские священники, не находящиеся в унии, пребывали при своих вольностях, и нигде не были обременяемы никакими налогами, подводами, податями, денежными сборами, постоями воинскими и работою, и не подлежали никому из светских, кроме своих духовных властей; 5) отдаются православным епископства: Луцкое, Холмское и Витебско-Мстиславское со всеми издавна принадлежащими к ним церквами и с монастырями Жидичинским и Лещинским (хотя и Луцкое и Витебско-Мстиславское епископства уже принадлежали православным); 6) в Перемышльской епархии

теперь же, еще при жизни униатского епископа Крупецкого, отдаются православному епископу монастыри: Спасский, Онуфриевский и Смольницкий с их имениями, доселе принадлежавшие Крупецкому, а по смерти его вся Перемышльская епархия со всеми своими маестностями имеет навсегда оставаться за епископом-неунитом; 7) на содержание Витебского и Мстиславльского епископа, не имеющего у себя поместий, назначается половина из имений Полоцкого униатского архиепископа. Затем 8) перечисляются в разных городах Литвы и Польши передаваемые православным церкви, которые назначены были им еще в известных "Статьях" короля Владислава IV, а кроме того, назначаются для передачи православным некоторые церкви и в таких городах: Витебске, Полоцке, Новогрудке, где при Владиславе не дозволялось им иметь ни одной церкви, и дозволяется православным строить новые церкви, деревянные и каменные, на тех местах, где прежде стояли их церкви. Таким образом, оказывается, что Зборовский договор утвержден был на сейме не во всей силе: Киевскому митрополиту не дали места в сенате, и уния не была уничтожена, а только сделала православию незначительные уступки. Православные не были удовлетворены, но спешили воспользоваться и тем, что было дано.

Коссов тотчас старался принять в свое ведение те епархии, которые назначены были православным. На возвратном пути своем из Варшавы он прибыл в Люблин, занял здесь церковь и монастырь, бывшие во власти униатских монахов, заставив их удалиться, и 3 февраля издал универсал, которым приглашал православную шляхту собраться на 17 февраля в Троицкой пригородной церкви для избрания Перемышльского епископа. Из Люблина отправился в Красностав, где также удалил от церкви местного униатского священника и передал ее православному. Из Красностава прибыл в Холм. Тут, как в кафедральном городе епархии, находилось немало униатского духовенства и имел пребывание сам администратор епархии, известный Яков Суша. Они не хотели добровольно передать своих церквей православному митрополиту и в продолжение трех дней оказывали сопротивление, пока не принуждены были удалиться. Против администратора, который ни за что не соглашался выйти из своего дома, ухватившись за стол, пришлось (12 февраля) употребить насилие. В то же время, надобно допустить, Коссов издал свои универсалы об избрании кандидатов и на кафедры Холмскую и Луцкую, потому что в Луцке упоминается номинат владыка еще 23 февраля, а чрез какие-нибудь три-четыре месяца, когда в Киеве был Собор православных архиереев, в числе их уже находились и епископы: Луцкий, Холмский и Перемышльский. Перемышльский, именно Антоний Виницкий, был теперь только рукоположен (27 июня), и в рукоположении его участвовали: Сильвестр Коссов, митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Константинопольского престола; Иосиф Чаплиц, епископ Луцкий и Острожский, архимандрит милецкий; Арсений Желиборский, епископ Львовский, Галицкий и Каменец-Подольский; Иосиф Горбацкий, епископ Витебский, Мстиславский и Оршанский, игумен Михайловский; Зосима Прокопович, епископ Черниговский. Около половины июля четверо из находившихся в Киеве православных епископов дали собственноручные записи, которыми обязывались вносить ежегодно на содержание киево-братского

могилянського колегиума определенную сумму денег. Это были епископы: Перемышльський - Антоний Виницкий, Витебський - Иосиф Горбацкий, Луцкий - Иосиф Чаплиц и Холмський - Дионисий Балабан, который не участвовал в рукоположении Перемышльського епископа, вероятно, потому, что сам рукоположен уже после него, хотя и вскоре за ним. Таким образом, к пяти епархиям православной Западнорусской митрополии, бывшим при Петре Могиле, присоединилось еще две: Черниговская и Холмская. Со своей стороны Хмельницкий писал к королю (от 20 марта): "Что касается до религиозного успокоения народа, которое мы поручили отцу митрополиту и духовенству, то хотя на нынешнем сейме оно окончательно не решено, но мы благодарим и за ту милость, какая нам дана. Только просим Ваше королевское величество, чтобы все заключающееся в дипломе с этого времени было приведено в исполнение как в королевстве Польском, так и в Великом княжестве Литовском, ибо паны униаты привыкли не исполнять королевских повелений, в чем мы удостоверились при жизни блаженной памяти короля, брата Вашего". К сожалению, обстоятельства скоро изменились не в пользу православных.

Зборовский договор не только неприязненно был принят поляками, но не удовлетворил и православных. Все они скорбели, что уния не была уничтожена; казаки досадовали, что число их уменьшено до сорока тысяч; крестьяне роптали, что снова должны подчиниться своим ненавистным панам и работать на них. Недовольство было общее, снова замутилась вся Малороссия. Условий зборовских не хотели выполнять не одни поляки, но и русские. Начались столкновения, кровопролития. Взаимное раздражение росло с каждым днем. И когда к концу 1650 г. король созвал сейм в Варшаве, то явившиеся туда послы Хмельницкого потребовали: а) чтобы уния, виновница несчастий, была совершенно уничтожена не только в Украине, но и во всех землях Короны Польской и Великого княжества Литовского и православное духовенство было сравнено с римским во всех правах и почестях; б) чтобы эти статьи вместе с другими статьями Зборовского договора были утверждены присягою знатнейших сенаторов и в) чтобы в воеводствах Киевском, Брацлавском и Черниговском ни один пан землевладелец не имел власти над крестьянами. Такое требование произвело крайнее волнение на сейме, и 24 декабря решена была война против казаков. Папа, у которого король просил денег для войны, прислал ему чрез своего легата как защитнику веры только благословение на войну, мантию и освященный меч. Точно так же и Хмельницкого благословил находившийся при нем Коринфский митрополит Иоасаф и опоясал его мечом, который будто бы еще прежде был освящен на самом Гробе Господнем. Этот митрополит, возвращаясь из Москвы, куда ходил за царскою милостынею, остановился у Хмельницкого и проживал у него, сделался его духовником, служил у него ежедневно обедни, следовал за ним и в войско для отправления церковных служб. Вместе с Хмельницким шел на поляков и прежний его союзник - хан крымский. Враги встретились 20 июня 1651 г. при Берестечке на реке Стыри, и едва началась борьба, как хан изменил Хмельницкому и внезапно отступил со всею своею ордою за три версты. Хмельницкий сам лично отправился к нему в сопровождении только двух всадников, чтобы его уговорить, но хан задержал у себя Хмельницкого и не выпускал целую неделю,

и оставшееся без вождя казачье войско потерпело страшное поражение, причем убит был каким-то шляхтичем и Коринфский митрополит, старавшийся воодушевить казаков. После этого поляки начали опустошать Украину, и литовский гетман Радзивилл направился с сильным отрядом на Чернигов и Киев. В Киеве всех объял страх, так как город охранял один только киевский полковник Антон с своим полком. И потому Киевский митрополит и печерский архимандрит написали к полковнику и просили его лучше удалиться от Киева и напрасным сопротивлением не раздражать Радзивилла, чтобы его войска, овладев городом, не перебили всех жителей и не истребили храмов Божиих. Полковник послушался, а митрополит с архимандритом отправили просительное письмо к Радзивиллу, умоляя его пощадить Киев, не разорять в нем церквей Божиих, не умерщвлять православных христиан, потому что они, мирные жители, находятся и хотят находиться в подданстве королю, а воюют против него одни казаки. Хмельницкий, как только услышал об этом, тотчас приказал киевскому полковнику воротиться к Киеву с своим полком, присоединив к нему еще два полка. А митрополиту написал, чтобы он оставался в Киеве без всякого страха и к полковникам и казакам об удалении от Киева впредь не писал и что ему, митрополиту, бояться смерти не годится: если за православную веру и пострадает, то примет венец от Господа. Радзивилл, однако ж, несмотря на принятые Хмельницким меры, занял (25 июля) Киев и сам остановился в Софийском монастыре, в покоях митрополита. Многие жители бежали тогда из города, но митрополит оставался при церкви святой Софии, и печерский архимандрит Тризна с братиею пребывали в своем монастыре, хотя и терпели великую škodu от поляков. Какие-то своевольцы зажгли Киев ради грабежа, и во время пожара сгорело до двух тысяч домов и несколько церквей и монастырей, а другие ограблены. Хмельницкий принужден был заключить 17 сентября под Белою Церковью новый договор с поляками, по которому число казаков уменьшалось до 20 тысяч, паны, владельцы в воеводствах Киевском, Брацлавском и Черниговском, вступали в управление своими именьями и крестьянами, а относительно веры православной постановлено было следующее: "Религия греческая, которую исповедует войско запорожское, также соборы, церкви, монастыри и коллегии киевский имеют оставаться при прежних правах, согласно с давними привилегиями", т. е. оставаться в том самом положении, в каком находились до Зборовского договора. И действительно, спустя пять месяцев король Ян Казимир издал на варшавском сейме грамоту (20 февраля 1652 г.), которую подтверждал во всех частях известную грамоту Владислава IV (от 14 марта 1635 г.), предоставлявшую униатам так много, и возвратил им все, что было у них отнято по Зборовскому договору. Вследствие этого бывший униатский администратор Холмской епархии Яков Суша, как сам говорит, вновь занял теперь Холмскую кафедру со всеми ее именьями и принял почти все церкви и приходы епархии, которые и передал униатским священникам. То же должно было повториться и в других местах.

Соглашаясь по необходимости на Белоцерковский договор, Хмельницкий не мог не чувствовать, что все его усилия, все труды и самые победы оказались бесплодными для его несчастной родины - Малороссии, что

он не освободил ее от бедствий, от которых желал освободить, и что одними собственными силами при помощи даже таких союзников, как крымцы, ему не сломить Польши и не разорвать оков, в каких держала она своих русских православных подданных. Для этой цели оставалось у Хмельницкого одно надежное средство - отдаться со всем своим народом под покровительство единой и единоплеменной могущественной державы Московской и навсегда соединиться с нею. Правда, он глубоко был огорчен в 1649 г. отказом царя Алексея Михайловича пособить ему против поляков, основывавшимся на том только, что у Москвы с Польшею было "вечное докончанье", и после зборовской победы открыто говорил московским посланцам, приходившим к нему, что непременно пойдет войною на Москву и разорит ее и все московские города. Но вскоре он одумался, и чрез тех же посланцев наказывал передать в Москве, что всегда готов служить благочестивому государю со всем запорожским войском, что войною на Москву не пойдет, и уговорил даже крымского хана не воевать с нею и не вторгаться в ее украины. Справедливость требует сказать, что в этом отношении весьма благотворно действовали на Хмельницкого восточные иерархи. Когда в 1650 г. прибыл в Царьград посол от Хмельницкого, чтобы заключить с султаном оборонительный и наступательный союз против врагов, и пожелал представиться Вселенскому патриарху Парфению II, то патриарх, угощая его по приказанию визиря обедом, спрашивал: "За что Хмельницкий хочет воевать Московскую землю?" Посол отвечал: "За то Хмельницкий имеет недружбу, что посылал к благочестивому царю бить челом с своими грамотами о помощи на недруга своего, на польского короля, и государь не только помощи ему не изволил подать, но и грамоты его к королю отослал". Патриарх говорил послу: "Мы молим и просим у Господа Бога о многолетнем здравии благочестивого царя, чтобы он, великий государь, избавил нас от нечестивых рук, а вам достойно быть подданными благочестивого царя и помощь всякую государю чинить, чтобы все православные христиане были в соединении". Затем приказал послу передать Хмельницкому: "Если только такое дело учинит и пойдет на государеву землю войною, то он не будет христианин и милость Божия не будет на нем в сем веке и в будущем". Отпуская посла, патриарх послал с ним к Хмельницкому свою грамоту и подарки. Равным образом и патриарх Иерусалимский Паисий, проживавший по возвращении из Москвы в Молдавии, в городе Терговище, как только услышал в том же 1650 г., что Хмельницкий будто бы собирается вместе с крымцами войною на Москву, тотчас же послал к нему своего Назаретского митрополита Гавриила и Арсения Суханова с грамотою, в которой писал: "Что буде он, Хмельницкий, на Московское государство начнет давать помощь крымскому хану, то все они, Вселенские патриархи, собравшись, учинят Собор, и предадут его проклятию, и христианином его называть не будут, и чтобы он, гетман, с своим войском царскому величеству всеконечно покорность учинил и поклонился, потому что христианский государь под солнцем единый". Выслушав эту грамоту в присутствии Назаретского митрополита и Суханова, Хмельницкий говорил под клятвою, что он приказу отца своего духовного, блаженнейшего патриарха Паисия, ни в чем не прослушает; только бы благочестивый великий государь Алексей Михайлович, самодержец всея Руси,

их челобитье и прошение не презрел и изволил их держать под своею государскою высокою рукою... они ему кланяются и хотят быть его слугами. Затем гетман отпустил митрополита и Суханова в Москву с своим гетманским листом к царю Алексею Михайловичу.

Коринфский митрополит Иоасаф, проживавший у Хмельницкого, также постоянно убеждал его поддаться московскому государю, извещал последнего о военных действиях и намерениях гетмана и, между прочим, писал (от 11 марта 1651 г.): "Мы говорили с Хмельницким, чтобы он отстал от еретиков ляхов и с своими ратными людьми учинился работником Вашему царскому величию... и, благодатию Божиею, соберется и поцелует крест Христов на том, чтобы им (казакам) работниками быть Вашему царствию, и будут готовы головами своими, куда изволишь". С своей стороны и царь Алексей Михайлович, хотя и отказал в 1649 г. Хмельницкому в помощи против поляков, не переставал поддерживать с ним постоянные сношения то чрез духовных особ и других греков, приходивших в Москву чрез Малороссию, то чрез своих посланцев и не раз посылал богатые подарки соболями как самому гетману, так и сильному у него и во всем запорожском войске войсковому писарю Ивану Выговскому. В то же время царь старался отыскивать предлоги к разрыву с Польшею: в январе 1650 г. он отправил в Варшаву послов с требованием, чтобы казнены были смертью авторы изданных тогда в Польше книг, в которых нанесено было бесчестие московским государям, и чтобы за такое бесчестие поляки возвратили Москве те города, которые уступлены были им царем Михаилом Федоровичем, а в 1651 г., в июне и декабре, посылал туда же с жалобою на приходивших в Москву уполномоченных от короля, что они в своих бумагах царского титула не дописывали, к бесчестию государя, и с требованием казнить виновных смертью. Наконец, царь позволил после Белоцерковского договора жителям Малороссии переселяться в огромных размерах в южные степи Московского государства. Польские пань вместе с жидами-арендаторами нагрянули тогда в свои прежние имения, чтобы вновь давить своих крестьян, и вот целые селения поднимались с места, складывали на возы свои пожитки, жгли свои хаты, и бежали от ляхов и жидов в привольные степи Московии, и основали там многие слободы и города: Острогожск, Харьков, Лебедин, Ахтырку, Сумы, Корочу и др. Царь позволял (22 марта 1652 г.) даже самому гетману и всему запорожскому войску, соглашаясь на их просьбу, переселиться в ту же привольную сторону, если им будет великое утеснение от поляков.

С конца 1652 г. начались более решительные сношения между царем и гетманом. Гетман прислал в Москву своих послов с грамотою (от 12 ноября) к царю Алексею Михайловичу, в которой благодарил за великие царские милости и многократное жалованье и просил выслушать послов. Послы вели (17 декабря - 29 января 1653 г.) переговоры с боярами "и били челом от лица гетмана и всего запорожского войска, чтоб государь для православной веры над ними умилосердился и велел принять их под свою высокую руку и неприятелям их - полякам помочи на них не давал". Царь послал чрез своего стольника Якова Лихарева ответ гетману и всему войску, что хочет ради православной веры успокоить их междоусобие с поляками миром чрез своих великих послов, а

между тем 22 февраля и 14 марта, на первой и третьей неделе Великого поста, держал с своими боярами думу, на которой было решено принять в подданство Малороссию и объявить Польше войну. Гетман и казаки, не зная об этом, прислали в апреле (22-го числа) новое посольство в Москву и просили, чтобы царь или принял их под свою руку и дал им помощь против ляхов, или если желает примирить их с ляхами чрез своих великих послов, то поскорее слал бы этих послов, чтоб король войною на запорожское войско не наступал. Царь действительно через два дня (24 апреля) отправил в Польшу своих полномочных послов, боярина князя Репнина и других, с требованиями, чтобы виновные в умалении государева титула поляки были немедленно наказаны и чтобы Польша примирилась с казаками на условиях Зборовского договора, которые сама же обязалась исполнять, прекратила гонения на православную веру и уничтожила унию. Но еще прежде, чем послы успели доехать до короля и заявить ему (20 июля) свои требования, к царю Алексею Михайловичу пришла весть от путивльского воеводы (20 июня), что у Хмельницкого находится посол от турецкого султана и Хмельницкий грозит отдаться в подданство туркам, если московский государь не поспешит принять его и Малороссию под свою руку. И 22 июня царь уже отправил к Хмельницкому грамоту, в которой писал: "Мы, великий государь, возревновав о Бозе благою ревностию и возжелев по Вас, чтобы христианская вера в Вас не пресеклась, но паче преисполнялась... изволили Вас принять под нашу царского величества высокую руку, яко да не будете врагом Креста Христова в притчу и поношение, а ратные наши люди собираются и к ополчению строятся". Хмельницкий отвечал царю грамотою от 9 августа, в которой благодарил царя за премногую милость, изъявленную им Малороссии, и просил скорее прислать сильную рать на помощь казакам против ляхов. Вместе с тем гетман и все запорожское войско прислали две грамоты и к патриарху Никону (от 9 и 12 августа) и просили, чтобы он был неусыпным о них ходатаем пред государем, да подаст им на врагов скорейшую и прескорейшую помощь ратию своею, так как король идет со всею ляхскою силою, желая потребить от земли православную веру, церкви Божии и народ православно-христианский. Царь в сентябре послал было объявить казакам, что он дожидается возвращения своих великих послов, отправленных к королю, и как только дождется их и узнает об ответе короля, тотчас пришлет к гетману свой указ. Но 25 сентября князь Репнин и его товарищи прибыли в Москву и известили государя, что король правды ни в чем не показал и помириться с черкасами по Зборовскому договору не согласился.

Тогда царь Алексей Михайлович приказал быть земскому Собору и на нем присутствовать патриарху с архиереями и другими духовными лицами, боярам, окольниковым и думным людям, а также выборным из стольников, стряпчих, дворян, жильцов и посадских. Собор состоялся 1 октября в Грановитой палате. Здесь сначала были объявлены и подробно перечислены неправды польского короля, а потом объявлено и о бывших посольствах от Богдана Хмельницкого и всего запорожского войска с жалобами на притеснения их православной веры польским правительством и с просьбами о принятии их в подданство России. Собор единогласно решил, чтоб Польше была объявлена война, а Богдана Хмельницкого и все войско запорожское с городами их и с

землями чтоб государь изволил принять под свою государскую высокую руку ради православной веры и святых Божиих церквей, на которые паны рады и вся Речь Посполитая восстали с намерением их искоренить. Немедленно отправлены были к Хмельницкому одно за другим два посольства. Первому посольству наказано было (2 октября) объявить гетману, что государь принимает войско запорожское со всеми городами и землями в свое подданство и пришлет для того своих уполномоченных. Гетман выслушал это посольство в Чигирине 24 декабря и через четыре дня отвечал государю благодарственной грамотою, в которой говорил: "Ради твоему пресветлому царскому величеству верне во всем служить и крест целовать и по повелению твоего царскаго величества повиноватися готови будем, понеже мы ни на кого, токмо на Бога и на твое пресветлое царское величество надеемся". Другое посольство, в состав которого вошли боярин и наместник тверской Бутурлин, окольный и наместник муромский Олферьев и думный дьяк Лопухин с большими свитами, отправлено было из Москвы 9 октября с целью действительно принять Малороссию в подданство московского государя и привести на верность ему к присяге как гетмана, так и все войско запорожское. Этих послов на всем пути их по Малороссии везде встречали с торжеством, и духовенство выходило к ним в церковном облачении с святым крестом. А при въезде их в город Переяслав 31 декабря их приветствовали и речами сперва переяславский полковник Тетеря за пять верст от города, а потом переяславский протопоп Григорий пред самым городом, вышедший для встречи послов со всем духовенством, с крестами, образами и хоругвями. К вечеру 6 января 1654 г. прибыл в Переяслав гетман Богдан Хмельницкий, на другой день съехались туда же полковники и сотники, а 8 января 1654 г. происходило самое принятие их и всего запорожского войска в подданство московского государя. Рано утром у гетмана была тайная рада с полковниками, судьями и войсковыми есаулами, и все подклонились под государеву высокую руку. Затем, когда по звуку барабана собралось великое множество людей всякого звания, гетман вышел к ним под бунчуком, сопровождаемый полковниками, судьями и есаулами, и, став посреди круга, начал говорить ко всему народу: "Ведомо вам всем, как Бог освободил нас из рук врагов, гонящих Церковь Божию и озлобляющих все христианство нашего православия восточного. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими... что уже нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для того ныне мы и собрали раду, явную всему народу, чтоб вы с нами избрали себе из четырех, кого хотите. Первый - царь турецкий, который много раз чрез послов своих призывал нас под свою власть; второй - хан крымский; третий - король польский, который, если сами пожелаем, и теперь еще может принять нас в прежнюю ласку; четвертый есть православный Великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси Восточной самодержец, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями себе просим, - тут, которого хотите, избирайте. Царь турецкий - бусурманин, всем вам известно, как братья наши, православные христиане греки, беду терпят и в каком живут утеснении от безбожных. Крымский хан тоже бусурманин, по нужде мы приняли его в дружбу, но какие нестерпимые беды от него испытали! Об

утеснениях от польских панов нет нужды и говорить: сами знаете, что лучше жиды и псы они почитали, нежели христианина, брата нашего. А православный христианский великий государь - царь восточный, единого с нами благочестия греческого закона, единого исповедания; едино мы тело с православием Великой России, имеющее главу Иисуса Христа. Тот великий христианский государь, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной Церкви в нашей Малой России, не презрел шестилетних наших беспрестанных молений и теперь, склонивши к нам свое милостивое царское сердце, изволил прислать к нам своих великих ближних людей с царскою своею милостию. Если его мы с усердием возлюбим, то, кроме его высокой царской руки, более благого и тихого пристанища не обрящем. А будет кто с нами не согласен, теперь куда хочет - вольная дорога". Выслушав эту речь гетмана, весь народ закричал: "Волим под царя восточного, православного; лучше под его крепкою рукою в нашей благочестивой вере умирать, нежели достаться ненавистнику Христову, поганину". Тогда гетман с писарем Выговским и во всеми войсковыми властями отправился к московским послам на съезжий двор. Главный посол Бутурлин вручил гетману царскую грамоту, которая тотчас же по приказанию гетмана была прочитана писарем Выговским вслух всех, и все сказали, что служить великому государю рады и принять присягу на верность ему готовы. Из съезжей поехал гетман с боярином Бутурлиным и его товарищами и с войсковыми старшинами в соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы, где уже находились кроме местного городского духовенства и духовные лица, прибывшие с посольством из Москвы, и во главе их архимандрит казанского Преображенского монастыря Прохор. Он-то и приводил к присяге по чиновной книге. На этот раз присягнули только гетман, писарь, полковники и иные приказные люди. Из церкви отправились все опять на съезжий двор. Здесь посол Бутурлин от имени государя вручил гетману знамя, булаву, ферязь, шапку и соболи. Потом раздал государево жалованье соболями писарю Выговскому, полковникам, обозничему, судьям, есаулам, и все принимали подарки с радостью и великою благодарностию. На следующий день, 9 января, присягнули сотники, есаулы, писари, казаки, мещане и вообще все находившиеся тогда в Переяславе. Потом гетман доставил государевым послам роспись всем городам и местам, которыми владели он и запорожское войско, и в большие из этих городов, каковы Киев, Нежин, Чернигов, послы отправились сами, а в иные послали стольников, стряпчих и дворян, - и везде жители присягнули московскому государю с полною радостью. Так совершилось одно из самых важных событий нашей истории - присоединение Малороссии к Великой России.

За соединением Малороссии с Великою Россиею естественно должно было последовать и соединение Малорусской Церкви с Великорусскою. Но и это дело имело немало затруднений и не могло совершиться вдруг, а совершалось постепенно. Церковные сношения между Киевом и Москвою, происходившие при прежних митрополитах, Иове, Исаии и Петре Могиле, возобновились и при митрополите Сильвестре Коссове и даже усилились. Прежде одна только сторона сознавала нужду в другой, и только из Киева обращались с просьбами в Москву за материальною помощью. Теперь обе

стороны почувствовали нужду во взаимной помощи: в Киеве, как и прежде, чувствовали нужду в материальной помощи из Москвы; в Москве почувствовали нужду в духовной помощи из Киева. В 1649 г. - как мы уже говорили в своем месте - царь Алексей Михайлович два раза писал в Киев, сперва к Черниговскому епископу Зосиме, а потом (14 мая) и к самому митрополиту Коссову, и просил, чтоб выслали в Москву двух знатоков греческого языка для исправления славянской Библии с греческой, а царский постельничий Федор Михайлович Ртищев перезвал из киевских и других малороссийских монастырей до тридцати ученых монахов в свой московский Андреевский монастырь, чтобы они учили здесь желающих грамматике славянской и греческой, риторике и философии и переводили книги; и в том же году по повелению царя и благословению патриарха перепечатана в Москве принесенная из Киева и составленная там книга "Малый катехизис", перепечатана для поучения всем православным и особенно учащимся детям. Царь Алексей в своей грамоте к Коссову прямо выражался: "И Вам бы, митрополиту, нам, великому государю, послужить и нашего царского жалованья к себе поискать, и тех учителей приговорити и прислати к нам". Сильвестр Коссов охотно воспользовался этим приглашением государя. Спустя около месяца, посылая к нему двух ученых иеромонахов Киево-братского монастыря, учителей тамошнего коллегиума, Арсения Сатановского и Епифания Славеницкого, Коссов послал с ними и третьего учителя, их товарища, иеромонаха Феодосия Сафоновича, с своею просительною грамотою. Он писал, что как пастырь Киева и всей Малороссии, промышляя по долгу своему о всех своих обителях, дошедших в последнее смутное время до крайнего оскудения, он наиболее имеет в своем попечении общежительную обитель святых Богоявлений в Киеве. Здесь блаженной памяти митрополит Петр Могила с благословения патриаршего основал училище и собрал благочестивых иноков, во всяком художестве учения обученных и Церкви Восточной православной весьма потребных, которых и содержал на своем иждивении во всяком обилии и которые уже воспитали многих благородных юношей, явившихся со временем непоколебимыми столпами Церкви. Но "по преставлении, - продолжал Коссов, - бывшего прежде меня митрополита, когда кафедра митрополии дана была мне, сравнительно с ним совершенному бедняку, и дана "с зело малейшим стяжанием", и те благочестивые иноки в довольстве своем оскудели. И я, сжалившись над ними и не имея, откуда подать им руку помощи, указал им путь к Вашему пресветлому царскому величеству как общему всех во всем мире сущих православных пастырей, обителей и иноков великому благодетелю в надежде, что Ваше царское величество не захочет отринуть от своей благодатной десницы и этих благочестивых иноков, которых сам Иерусалимский патриарх Паисий, бывший у нас, признал весьма потребными для Церкви Божией". Затем митрополит умолял царя, чтобы он посылаемых к нему трех старцев ущедрил обильною милостынею и, оставив у себя на службу Арсения и Епифания, поскорее отпустил Феодосия и чрез него прислал Киево-братскому монастырю жалованную грамоту, по которой он мог бы и в последующее время отправлять своих иноков в Москву за милостынею. Вместе с грамотою митрополита представлены были Алексею Михайловичу

названными старцами еще две просительные грамоты о том же предмете: одна от игумена Киево-братского монастыря и ректора училища Иннокентия Гизеля с братиею, а другая от Иерусалимского патриарха Паисия, который встретился с старцами в Путивле на возвратном своем пути из Москвы и не упустил случая ходатайствовать за них пред государем. Государь приказал послать митрополиту Киевскому Сильвестру соболями на сто рублей, а Братскому монастырю двести рублей деньгами и жалованную грамоту на проезд его иноков в Москву за милостынею чрез каждые пять лет. Но в следующем 1650 г. по ходатайству Арсения Сатановского и Елифания Славеницкого царь дал Братскому монастырю взамен этой другую грамоту (от 30 августа), которою разрешалось приезжать в Москву за милостынею трем или четырем старцам чрез каждые два года в третий. Были и другие случаи, когда государь относился в Киев по церковным нуждам. В ноябре 1650 г. прибыл на государево имя из Киево-Печерской лавры ученый иеромонах Дамаскин Птицын, о котором государь писал Киевскому митрополиту Коссову еще в своей грамоте 1649 г., а в 1652 г., в феврале, приехали в Москву по приглашению от государя из Киево-братского монастыря архидиакон Михаил и с ним одиннадцать певчих, а в апреле прибыли из Киева в Москву еще восемь певчих. Равным образом и Коссов не прекращал своих сношений с государем: к концу 1650 г. он ходатайствовал своим письмом пред Алексеем Михайловичем о епископе турецкого города Кастории Киприане, проезжавшем чрез Киев в Москву за милостынею, и, конечно, надеялся, что это ходатайство будет иметь силу, а летом 1651 г. бил челом государю и о самом себе лично и писал: "Избран я на митрополию Киевскую во время нужное, когда в нашей Литовской земле учинилась нынешняя междоусобная брань. Крестьяне, приписанные к церкви св. Софии, пошли теперь в казаки; церкви от них доходов, послушания и строения нет. Только надеюсь помощи от Бога и от твоего царского величества. В церкви св. Софии нет книг: двенадцати Миней месячных, да Прологов на весь год, да Феофилакта, да Устава большого, а я от многих наездов властелинских, которые властели приезжают в Киев из Польши от панов и от казацких старшин, изнищен до конца, не могу ничего купить. Вели, государь, дать свое жалованье: двенадцать Миней месячных, да Прологи сентябрьские и мартовские, да Феофилакта, да Устав большой и на меня умилосердись, на одежду теплую пожалуй, чем бы мне зимою согреться". Ввиду всех таких сношений между московским государем и Киевским митрополитом Коссовым и особенно ввиду последней грамоты Коссова, в которой он так ясно выражает мысль, что после Бога надеется помощи только от московского царя, хотя грамота эта, как не имевшая почему-то собственноручной подписи митрополита, заподозрена в Москве и оставлена без внимания, - невольно возникает вопрос: отчего же Коссов в продолжение всех переговоров, какие вел Хмельницкий с царем Алексеем Михайловичем о подданстве ему Малороссии, не принимал в них никакого участия и ни разу не подал своего голоса, хотя дело велось преимущественно во имя православия, для спасения его от угнетений в Польше? Этот вопрос возникал тогда и в Москве и возбуждал недоумения.

По окончании присяги в Переяславе московские послы Бутурлин и прочие отправились в Киев. Здесь 16 января навстречу им выехали из города за

полторы версты от Золотых ворот митрополит Сильвестр, Черниговский епископ Зосима, печерский архимандрит Иосиф и из других монастырей игумены и наместники. И митрополит сказал послам речь: "Когда вы приходите от благочестивого и христолюбивого светлейшего государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея России самодержца, от царя православного, православные царские мужи, имея желание посетить благочестивое наследие древних великих князей русских; когда приходите к седалищу первого благочестивого российского князя, мы исходим во сретение вам, и приветствует вас в лице моем он, благочестивый Владимир, великий князь русский; приветствует вас св. апостол Андрей Первозванный, провозвестивший, что на сем месте воссияет слава Божия, которая ныне пришествием вашим опять обновляется; приветствуют вас начальники общего жития, преп. Антоний и Феодосий Печерские и все преподобные, изнурившие о Христе живот свой в сих пещерах; приветствуем о Христе ваше благородие и мы со всем освященным Собором и, приветствуя с любовью, взываем: "Видите в дом Бога нашего и на первейшее седалище благочестия русского, да обновится вашим пришествием, яко орля, юность наследия благочестивых князей русских". У Святых ворот встретило послов все киевское духовенство в церковных облачениях, с крестами, образами и хоругвями и потом пошло крестным ходом в Софийский собор. В соборе сам митрополит с прочим духовенством совершил краткое молебствие с провозглашением многолетия царю Алексею Михайловичу и его семейству. И тотчас по окончании многолетия в присутствии всех посол Бутурлин обратился к митрополиту с следующими словами: "В прошлые годы много раз присылали к великому государю нашему гетман Богдан Хмельницкий и все запорожское войско бить челом, чтоб великий государь наш пожаловал, велел принять их под свою государеву высокую руку, а ты, митрополит, великому государю нашему о том никогда не бил челом, и не писывал, и не искал к себе его царской милости, объяви ж теперь нам, почему ты не бил челом и не писывал великому государю". Митрополит отвечал, что "про то, как гетман Хмельницкий и все войско запорожское били челом под государеву высокую руку, он не ведал, а ныне он за государево многолетнее здоровье, и за государыню царицу, и за благоверных царевен должен молить Бога". Посол удовольствовался ответом и сказал, что великий государь жалует митрополита, и Черниговского епископа, и печерского архимандрита, и весь освященный Собор, и велел спросить их о их "спасенном пребывании". И весь освященный Собор за такую царскую милость бил челом. Но митрополит не открыл послам истинной причины, почему он не принимал участия в челобитьях о подданстве московскому государю. Ее, без сомнения, знали гетман Хмельницкий и войсковой писарь Выговский, и последний еще в июле 1651 г. случайно открыл ее царскому гонцу Богданову, приходившему к гетману с соболями. Хмельницкий собирался тогда отправить в Москву знатных послов с челобитьем о подданстве, и Выговский, высказывая Богданову, что, вероятно, будет послан именно он, Выговский, с полковниками, присовокупил: "Думаю, что и митрополит Киевский Сильвестр начнет писать о том к государю... а если б возможно было, то митрополит Киевский и сам поехал бы к государю бить челом от всей Малой Руси и от запорожских Черкасов, чтоб

государь пожаловал велел принять их под свою руку. Да только-де ему поехать, а государь того учинить не изволит, и ему-де лише с поляки ссориться". То есть митрополит боялся, что если он начнет сноситься с государем и просить его о принятии Малороссии в подданство, а государь на это не согласится, то ему, митрополиту, со всем его духовенством, с церквами и монастырями придется плохо от поляков в случае их победы над казаками. Почему он и старался не принимать никакого осязательного участия в действиях Хмельницкого против Польши и казаться верноподданным короля. И мы видели, что когда польские комиссары вели переговоры с Хмельницким, они совещались с Киевским митрополитом и употребляли его в качестве посредника, и когда Радзивилл после неудачи казаков под Берестечком приближался к Киеву, то Коссов просил этого военачальника пощадить город, не разорять в нем церквей и монастырей, говоря, что против Польши воюют только казаки, а он, митрополит, и жители Киева остаются и желают оставаться верными королю. Можно догадываться, что митрополит так действовал даже не без согласия Хмельницкого, потому что Хмельницкий, который так часто и открыто совещался с греческими иерархами о своих намерениях поддаться Москве, ни разу не приглашал для совещаний своего Киевского митрополита или кого-либо из подведомых ему высших духовных особ, вел все дело о подданстве Малороссии без всякого участия малороссийского духовенства и самую присягу на подданство принял с другими представителями запорожского войска не в Киеве, местопребывании митрополита, а в Переяславе. Даже и теперь, когда царь московский согласился взять Малороссию под свою руку и когда гетман и старшины казацкие уже присягнули ему, даже и теперь Коссов с своим духовенством считал за лучшее показывать полякам, что он покоряется Москве против воли: большая часть православных Киевской митрополии жила вне Малороссии, под властью Польши, и их участь, и без того тяжелая, сделалась бы еще невыносимее в случае открытой измены митрополита, а с другой стороны, нельзя еще было ручаться, что поляки не овладеют вновь Киевом и Малороссиею и не расправятся тогда с изменниками. Потому-то еще 13 генваря, как только в Киеве получена была весть, что московские послы идут из Переяслава в Киев для принятия присяги, митрополит и печерский архимандрит послали чернеца Печерского монастыря Макария Крыницкого в Луцк с целью заявить в гродском луцком суде следующее: "Москва, завладев Киевом, принуждает отца митрополита, архимандрита и все духовенство к противозаконным поступкам, чтоб, оставив короля, его милость не считали его государем, а поддались бы и присягнули московскому государю. Но все духовенство не желает этого сделать, а желает иметь государем короля, и, как прежде духовные никогда не были бунтовщиками, так и теперь не будут, - о чем по всем гродским судам они делают заявления". На эти заявления духовенство могло в свое время сослаться пред поляками в защиту себя от их мести. Вообще положение Киевского митрополита и духовенства было тогда очень затруднительное: им нужно было и покоряться новым властям московским, и не раздражать на всякий случай прежних властей, польских, фарисействовать пред ними, хотя нельзя отвергать, что и в духовенстве, как между казаками, могли быть лица, начиная с самого митрополита, которые не сочувствовали присоединению Малороссии к Москве

по своим личным побуждениям. Митрополит Сильвестр Коссов и печерский архимандрит Иосиф Тризна, две самые сильные особы в малороссийском духовенстве, оба были шляхтичи и пользовались при польском правительстве весьма важными преимуществами, которых могли лишиться с подчинением Москве: печерский архимандрит владел богатыми имениями лавры и как настоятель патриаршего ставропигиального монастыря не признавал над собой никакой местной духовной власти, а митрополит хотя и не владел такими имениями, но, признавая над собой только номинальную власть патриарха, являлся совершенно независимым иерархом в управлении своею митрополиею. Из среды белого духовенства можно указать как на лицо, действительно не сочувствовавшее Москве, на чернобыльского протопопа, который сам был свидетелем въезда послов московских в Киев и потом, 22 генваря, писал к одному подстаросте польскому: "Хмельницкий выдал всех нас в неволю московскому царю по Владимир, Туров и еще далее. Сам присягнул с войском своим и город Киев насильно принудил присягнуть, угрожая смертною казнию. Я сам несчастными своими очами видел, как москвитяне въезжали в Киев... В Золотых воротах встретил послов отец митрополит и все духовенство; от слез они не видели света Божья, а его милость о. митрополит обмирал от печали". Тут чернобыльский протопоп говорит явную неправду: он не мог видеть, как встречал послов митрополит, который вместе с Черниговским епископом и настоятелями монастырей выезжал для того за полторы версты от Золотых ворот, тогда как у Золотых ворот ожидало послов прочее духовенство. В заключение своего письма, наполненного и другими неточностями в описании встречи послов и ложными слухами, отец протопоп допустил еще важную неправду, сказав: "Царь обещает всем оставить права и имущество, кто поддается добровольно и *окрестится*, и дать даже большие права". В Москве, несомненно, был еще в силе известный указ патриарха Филарета Никитича о способе принятия в православную Церковь белорусцев, и там действительно перекрещивали при этом всех, заявивших о себе, что они крещены только чрез обливание, а не чрез троекратное погружение, откуда бы они ни приходили, из Белоруссии или из Киева и других мест Западнорусского края. Потому киевское духовенство могло опасаться, что и теперь, при принятии жителей Малороссии в единство с Москвою, политическое и церковное, от них будут требовать перекрещивания как необходимого условия, и люди злонамеренные могли с умыслом распространять об этом слухи в народе, чтобы возбуждать его против присяги московскому царю. Но в Москве были благоразумны и вовсе не предлагали такого требования малороссам, поняв, конечно, что оно послужило бы неодолимым препятствием к соединению их с великороссами: о перекрещении не было и помину ни в начале, ни, как увидим, при всех дальнейших переговорах московских властей с малорусскими, светскими и духовными.

На другой день после приезда своего в Киев, 17 генваря, московские послы, боярин Бутурлин и его товарищи, приняли под государеву руку город Киев, выслушав присягу всех его жителей, и, что весьма замечательно, ни от митрополита, ни от других духовных лиц не требовали и не принимали такой присяги, по крайней мере о присяге их вовсе не упоминается в статейном списке

самых послов, а говорится только, что они в тот же день посылали сказать митрополиту и печерскому архимандриту, чтобы тот и другой отпустили для присяги свою шляхту и слуг и всех своих дворовых людей и мещан, которые у них живут. Митрополит и архимандрит отвечали, что они переговорят о том между собою и известят, но известия не дали. На другой день послы снова отправили к митрополиту за тем же сперва подьячего, а потом думного дьяка. И митрополит говорил, что живущие у него шляхта, и слуги, и все дворовые люди не имеют никаких маетностей при софийском (митрополичьем) доме, все люди вольные, служат ему по найму и присягать им царскому величеству не годится. Когда же посланные настаивали на своем требовании и убеждали митрополита, чтобы он не упорствовал, чтобы вспомнил прежнюю к нему государскую милость и не навел на себя царского гнева, митрополит сознался, что шляхты, и слуг, и всех дворовых людей своих ему прислать к присяге нельзя. "Под моею паствою, - говорил, - находятся многие епископы и всякое духовенство во многих литовских городах, и как только уведает про то литовский король, что я шляхту и дворовых людей своих к присяге посылал, то велит тех епископов и все духовенство порубить, а на мне Бог взыщет за все те души". Тут, очевидно, высказалась та же самая боязнь мщения от поляков, которая и прежде удерживала Коссова от участия в переговорах с царем о подданстве ему Малороссии. Впрочем, на следующий день (19 генваря) митрополит и архимандрит покорились и выслали всех своих людей к принятию присяги. После чего Бутурлин с товарищами разослал митрополиту, и Черниговскому епископу Зосиме, и печерскому архимандриту, и в иные монастыри назначенное им государево жалованье.

В Москве были недовольны действиями митрополита Сильвестра и не упускали случая дать ему это почувствовать. В начале февраля (5-го числа) Бог даровал царю Алексею Михайловичу сына Алексея. С радостною вестью царь отправил в Малороссию стольника Полтева и велел ему ехать сперва в Чигирин к гетману и передать ему царскую о том грамоту, а из Чигирина в Киев к митрополиту и, пригласив его с другими высшими духовными лицами в соборную церковь, объявить ему здесь радостную весть словесно. При этом Полтеву было наказано: "Если спросит митрополит, почему к нему нет государевой грамоты о такой всемирной радости нашей, то ты отвечай: "Он, митрополит, нашей царской милости не искал и к нам, великому государю, не писал, потому и к нему нашей царской грамоты не прислано". Полтев в точности исполнил волю государеву. Но митрополит Сильвестр, выслушав от него (2 марта) радостную весть в своей кафедральной церкви, вовсе не спросил, почему к нему нет царской грамоты, а тотчас совершил со всем освященным Собором торжественное молебствие, сопровождавшееся колокольным звоном, пригласил Полтева к себе в келью, показывая сочувствие к царской радости, и послал с ним две грамоты (от 3 марта): одну к царю Алексею Михайловичу, в которой, поздравляя его с рождением наследника престола, выражал от себя и от всего духовенства как верноподданный чувства неизглаголанной радости по этому случаю; другую - к самому новорожденному царевичу с пожеланиями ему всех благ от Господа. Такая смиренная покорность московскому государю со стороны Киевского митрополита тем была замечательна, что он высказывал

ее спустя не более недели после резкого столкновения его с другими представителями государевой власти, - о чем следует рассказ наш.

В феврале (23-го числа) прибыли в Киев первые московские воеводы с ратными людьми, чтобы защищать его от поляков и построить в нем крепость. Митрополит оказал воеводам великую почесть: сам встретил их со всем освященным Собором в воротах Софийской соборной церкви, пел молебен в церкви и молил Бога о государевом здоровье, а потом за объявленное ими милостивое царское слово бил челом государю со всем духовенством и мирянами. Но спустя два дня, когда бояре воеводы явились к митрополиту и сказали, что они хотят строить крепость на месте близ Софийского собора, митрополит смело отвечал, что "на том месте города (крепости) он ставить не даст, потому что та земля - его, софийская, и Архангельского и Никольского монастырей, и Десятинной церкви, под его митрополичьею паствою и он тех земель под город не поступается". Бояре коснулись самого чувствительного места для западнорусского духовенства - церковных имений, из-за которых оно вело непрестанную борьбу в течение столетий и перенесло столько скорбей, трудов и лишений. Бояре заметили митрополиту, что если он начнет бить челом государю, то государь пожалует ему взамен той земли иную. Митрополит отвечал, что "все земли у них поделены и по их правам отдать ему той земли под город нельзя". Когда же воеводы сказали, что, хотя он и не хочет отдать той земли под город, они по государеву указу начнут ставить там город, митрополит рассердился и произнес: "Если начнете на том месте ставить город, я начну с вами биться". Московским воеводам эти слова могли показаться страшным преступлением, но в Литве и во всей Малороссии они вовсе не имели такого смысла: там обыкновенно подобным образом отстаивались имения даже против королевских указов не только светскими, но и духовными владельцами. Такие сопротивления королевским грамотам и посланцам не раз оказывали сами киево-печерские иноки, а еще прежде и православные владыки, что мы видели в своем месте, дивленные воеводы стали укорять митрополита, что он не имеет страха Божия, что прежде он был одной мысли с гетманом Хмельницким, а теперь под государевую рукою быть не хочет и желает добра королю, и митрополит еще более рассердился и будто бы произнес: "Гетман Хмельницкий посылал бить челом государю и поддался со всем запорожским войском под государеву руку, а он-де, митрополит, со всем Собором бить челом государю не посылал, и живет он с духовными людьми о себе, ни под чьею властью... Прежде был под королевскою властью, а вперед под чьею властью велит Бог ему быть, под тою и будет". И прибавил с угрозою боярам: "Не ждите начала, ждите конца; увидите сами, что над вами вскоре будет". Тогда воеводы призвали к себе киевских полковников, бурмистров и вообще городские власти и объявили им, что митрополит не хочет дать избранного места под город, или крепость. Власти пошли говорить о том же городском деле митрополиту и, возвратившись, сказали воеводам, "что митрополит Сильвестр просит у них прощения во всем том, что говорил против них, а то-де он говорил с сердца, потому что-де преж сего поляки и литва многие у них земли себе посвоили и завладели, и ныне он чаял того ж, что их монастырскую землю воеводы завладеют".

Чтобы понять смысл резких слов и угроз, если только они действительно были произнесены митрополитом, надобно взять во внимание, что в это самое время король польский рассылал свои универсалы (от 21 февраля) к казакам и всем жителям Малороссии, убеждал их не следовать за изменником Хмельницким, оставаться верными Речи Посполитой, ждать от нее скорой воинской помощи и что в разных местах Польши действительно готовились тогда три рати с целию нагрянуть на Малороссию и снова завладеть ею. Коссов мог думать вместе с другими, что судьба Малороссии еще не окончательно решена и она может опять очутиться под владычеством Польши, и, выведенный из себя требованиями московских воевод, мог высказаться пред ними так, как высказался. Он мог сделать тогда на всякий случай и более смелый шаг, надеясь, что шаг этот останется в Москве неизвестным. Сохранилось известие, будто "в 1654 г., в Великий пост пред светлым Христовым Воскресением, присылали к королю на сейм митрополит и иные духовного чина люди двух чернецов говорить, что им с московскими людьми в соединении быть невозможно и они того никогда не хотели, а Москва хочет-де еще их перекрещивать, и король собрал бы войско и их высвободил, как возможно, а они московских людей из Киева выбьют и будут под королевскою рукою по-прежнему"; хотя известие это передает только один грек Иван Петров Тафлара, который будто бы находился тогда узником в Варшаве и которому по освобождении из тюрьмы король будто бы поручил разносить его универсалы между казаками и сказал, что "малорусские духовные под его королевскою рукою быть хотят по-прежнему, и присылал к нему митрополит с духовенством старцев, прося себе его королевской милости".

Как бы то ни было, знали или не знали о всем этом московские воеводы, находившиеся в Киеве, но они поспешили написать о своем столкновении с митрополитом Сильвестром сперва к гетману Хмельницкому (27 февраля), а потом и к государю (14 марта). Хмельницкий как местный уроженец, лучше понявший поступок митрополита, чем могли понять московские бояре, отвечал им, что "на том месте острога не делать, потому что та земля митрополичья, софийская и св. церквей, и им, воеводам, прав церковных и даянья православных князей ломать не можно, что он вскоре пошлет о том гонца к государю". В Москве сначала очень прогневались на Коссова, и государь в грамоте своей к Хмельницкому от 27 марта наказывал прислать Киевского митрополита Сильвестра в Москву, чтобы он "в том деле дал о себе исправленье". Но через три дня государь писал уже воеводам в Киев: "Митрополиту Сильвестру, и иных монастырей архимандритам и игуменам, и всяких чинов людям, у которых земля их отойдет под город, скажите, чтоб митрополит о земле, которая у него взята под город, не оскорблялся; по нашему указу вместо тех земель велено им дать из иных земель". А в первых числах апреля государь извещал Хмельницкого в ответ на его ходатайство по делу митрополита: "Мы, великий государь, не только не велим ломать стародавних прав церковных, но и сверх прежнего нашею государскою милостию награждать будем... И митрополита Киевского Сильвестра мы пожаловали, велели дать ему взамен взятой у него земли под город в другом месте столько же и даже больше, где ему будет угодно, и он бы в том оскорбленья никакого не

имел". Мало этого. Еще в марте, когда в Москве находилось посольство от гетмана Хмельницкого и запорожского войска с челобитьем об утверждении прав всего малороссийского народа, 14-го числа, "государь указал и бояре приговорили: митрополиту (Киевскому) на маестности его, которыми ныне владеет, дать жалованную грамоту" и тогда же пожаловал, чтобы "права, наданные из веков от княжат и королей как духовным, так и мирским людям, ни в чем не нарушены были". А 21 марта по ходатайству тех же послов "пожаловал митрополиту и всем духовного чина людям на маестности их, которыми они ныне владеют, свою государскую грамоту дать велел". Таким образом решен был общий вопрос о церковных имениях малороссийского духовенства, один из самых жизненных для него вопросов, и оно в этом отношении могло успокоиться.

Но, утверждая за Киевским митрополитом и всем его духовенством, равно и мирянами, их древние маестности, государь в той же самой статье, как читается она в окончательной редакции всех статей, данных тогда по указу государеву гетману Хмельницкому, присовокупил: "А митрополиту Киевскому, также и иным духовным Малой России, быть под благословением *святейшего патриарха Московского и всея Великия, и Малыя, и Белья России*, а в права духовные святейший патриарх вступати не будет". Этим затрагивался другой, еще более важный вопрос для всего малороссийского духовенства, вопрос, который беспокоил не одно духовенство, но и мирян. "Немалую печаль, - писал (от 16 марта 1654 г.) православный шляхтич Олекшич к брацлавскому полковнику Богуну, - наводит на нас и всех братьев наших, от одной крови идущих и едину Церковь Восточную за мать почитающих, когда слышим, что патриарх Московский духовным нашим и всему миру христианскому на повиновение себе присягать велит и отступить от пречестнейшего отца, святейшего патриарха Константинопольского, которому в область от св. отцов и от предков наших церкви наши отданы; ради того мы не захотели принять унии и с Костелом Римским, чтобы не противиться пастырю нашему старейшему, которого дал нам Бог". Указывая на это обстоятельство, Олекшич убеждал Богуну, еще не принявшего присяги московскому царю, не принимать ее и оставаться верным польскому королю. Малороссийское духовенство, желая по-прежнему оставаться в подчинении Цареградскому патриарху и исходатайствовать на то соизволение московского государя, а вместе изложить пред ним и другие свои ходатайства и просьбы, решилось отправить к нему от себя особое посольство по примеру того, как прежде ходило в Москву посольство от гетмана и запорожского войска. Приготовления к духовному посольству начались еще в конце мая, когда ездили в Чигирин к гетману для совещаний об этом сам митрополит и печерский архимандрит, и продолжались в течение июня и отчасти июля, как свидетельствуют обозначения времени на грамотах, врученных посольству. Во главе посольства поставлен был игумен киевского Никольского монастыря Иннокентий Гизель; в товарищи ему назначены по одному и по два старца от киевских монастырей: Софийского, Печерского, Архангельского Златоверхого, Братского училищного и Выдубицкого. Посольство отправилось не в Москву, а под Смоленск в стан государя, находившегося тогда в походе против поляков, и прибыло туда 26

июля. А через два дня (28 июля) оно уже было принято государем и поднесло ему грамоты.

Главная грамота была от Киевского митрополита, в подкрепление которой гетман Хмельницкий приложил и от себя грамоты. Митрополит в грамоте своей прежде всего выражал общую радость всех сынов Малой России, которые после многих гонений от иноверных обрели, наконец, милостию государя тихое пристанище под его крепкою рукою, и особенно выражал радость свою как пастырь этих духовных овец, который вместе с ними смиренно и доброхотно преклоняется под крепкую руку государя, вместе с ними присно благодарит Бога "о нынешнем соединении" и непрестанно молит Его, да пособит довести до конца начатое благое намерение. Затем митрополит старался оправдать себя пред государем: "Я известился, что Ваше царское величество, по оглаголению некоторых, положил на меня гнев за то, что я сначала не позволил присланным в Киев воеводам строить твердыню на земле, принадлежащей церкви св. Софии, престолу моей митрополии. Да будет же ведомо Вашему величеству, что я поступил так не из какого-либо сопротивления Вашему величеству, как некоторые оклеветали меня пред ним, а потому, что земля та уделена моей митрополии от лет древних; землю ту защищали со многими страданиями от хотевших взять ее и прежде меня бывшие митрополиты и утвердили ее на судах крестным целованием. Потому и я, наследник престола митрополии и земли ее, не захотел, чтобы она взята была от Церкви Божией, ибо и прокормление идет ныне мне только от той земли. Я спрашивал у воевод, имеют ли они письменное повеление Вашего величества, а как они письменного повеления не имели, то я и не соглашался уступить им церковного места. Прости меня, всемилостивый царь, я сделал это из ревности к св. месту церковному, а не из сопротивления Вашему величеству. К тому ж и от гетмана Богдана Хмельницкого, ныне нашей земли начальника и повелителя, я имел повеление, чтобы я не дозволял без его повеления никому ничего от нас брать. А как указа от гетмана у меня не было, чтобы отдать воеводам землю митрополии, то я немедленно и послал к нему с известием о том. И когда гетман, посоветовавшись с своими полковниками, прислал мне указ уступить то место под твердыню, я не только не возбранял воеводам, но и благословил их строить город, который вскоре, к нашей общей радости, и устроился. Да и не одно то место, но и другие, какие угодно будет, я готов уступить по повелению Вашего величества, нимало не сомневаясь, что ты благоволишь воздать нам больше... Если были на меня и какие-либо другие клеветы, молю, государь, не верь им, ибо думаю, они сделаны из одной ненависти. Посланников же моих я доселе не посылал к Вашему величеству с челобитьем моим и всех моих духовных не по нерадению моему или презрению Вашей пресветлой державы: мы хотели послать, но гетман не велел, пока не возвратятся его посланники от Вашего величества. Когда же возвратились, то дал указ, чтобы и мы посылали своих..." В заключение митрополит, сказав несколько слов о своих послах, умолял государя, чтобы он по своему царскому обещанию, объявленному чрез боярина Бутурлина и чрез гетманских посланников, а наиболее по своей великой милости благоволил утвердить прежние права и привилегии малороссийского духовенства, о чем статьи письменно изложены на особом

листе и вручены послам. Нельзя оставить без внимания, что Сильвестр Коссов, митрополит Киевский и Галицкий, подписался под этою грамотою митрополитом не *всей* России, а только *Малой* России и так начал уже нередко титуловаться и подписываться.

Гетман Хмельницкий в своих грамотах к государю, из которых одна была от 25 мая, а другая от 20 июля, ходатайствовал за своего митрополита и защищал его. Ходатайствовал не только от себя, но и от всего войска запорожского, чтобы государь утвердил древние права и привилегии митрополита и всего духовенства и пожаловал митрополита всем, о чем он просит: "Ибо и он, преосвященный пастырь наш, много пострадал от ляхов и ныне терпит и поношения, и унижения, и поругания тяжкие, не только устно, но и ругательными писаниями бесчестят его и других епископов, и архимандритов, и все православное духовенство, и всю Церковь православную, и все благочестие". В защиту же митрополита писал: "А что прогневался было твое царское величество на преосвященного пастыря нашего, якобы он разорял дело Божие и не принимал совокупления православия святого, - тому не верь. Сколько зла потерпел он за веру и за православие святое!" Объяснял далее гетман, почему митрополит не позволял сначала ставить крепость на софийской земле и почему не посылал доселе своих послов к государю, как объяснено это и в грамоте самого митрополита. Вместе с грамотами к царю Хмельницкий написал, конечно по просьбе или с согласия митрополита Сильвестра, грамоту и к Московскому патриарху Никону, в которой повторял то же самое, что сказал в грамотах к государю. Сначала ходатайствовал за митрополита: "Преосвященный пастырь наш, господин отец Сильвестр Коссов, архиепископ и митрополит... со всем Собором освященным посылает бить челом великому государю нашему и тебе, великому святителю нашему, твоему верховнейшему святительству, чтобы его царское величество за ходатайством твоим" утвердил права, привилегии и вольности малороссийского духовенства, и "мы, гетман со всем запорожским войском, просим и молим о всем о том тебя, великого святителя". Потом защищал митрополита: "А что твое великое святительство опалился было на преосвященного пастыря нашего, как будто он благодарованное соединение святого православия российского портил и великому государю нашему сопротивлялся, тому не верь, равно и прочим на него клеветам. Сколько пострадал он за веру православную в течение многих лет!.. Ускорил бы он и прежде прийти к его царскому величеству и к твоему великому святительству и бить челом обо всем, но не мог, потому что всего лишен и доведен до крайнего обнищания от ляхов и ожидал возвращения наших войсковых послов, желая увидеть неисчетную милость и великое жалованье его царского величества, нам учиненные, и о всем том возрадоваться и возблагодарить Бога, что и сотворил ныне, прибыв к нам в Чигирин..." и пр. Всего замечательнее в этой грамоте Хмельницкого были его выражения: "Божию милостию великому господину, святейшему Никону, патриарху Московскому и всея Руси, *зверхнейшему пастырю нашему* милостивому, Богдан Хмельницкий гетман и все войско запорожское до лица земли челом бьем" и далее: "Тебе, великому *святителю нашему*, твоему *зверхнейшему святительству*". Такими выражениями гетман со всем войском высказывал свое

полное согласие на подчинение Малороссии в церковном отношении Московскому патриарху по заявленной государем воле. Но грамота эта, по всей вероятности, не была доставлена послами патриарху Никону, так как они не были в Москве, а ходили прямо под Смоленск к государю, и принесена назад, почему и сохранилась в подлиннике в ризнице Киево-Софийского собора.

В статьях, которые изложил митрополит Сильвестр Коссов на особом листе и передал своим послам, он поручал им просить: а) чтобы государь изволил утвердить все церковные вольности и привилегии малороссийского духовенства, какие имело оно от великих князей русских и польских королей, и каждого оставил при своем праве; б) чтобы оно, духовенство, не было отдалено от послушания святейшему патриарху Константинопольскому, которому подлежит оно по правам Божиим и по правилам святых отцов; в) чтобы митрополит Киевский, также епископы, архимандриты, игумены пребывали до смерти каждый при своей должности, а преемники на места их поступали по вольному избранию духовных и мирян и чтобы московских духовных на ревизию и на всякие начальства в Малороссию государь не присылал; г) чтобы суды духовные исправляли сами духовные с позыванием на суд митрополита и на митрополичьем суде всякое духовное дело получало последнее решение и оканчивалось и чтобы виноватое духовенство каралось митрополитом и митрополичьим судом тут же, а не где-либо инде и не отсылалось в Великую Россию; д) чтобы православные, живущие за пределами Малороссии, в Литве и на Волыни, как издавна подлежали Киевскому митрополиту, так и впредь подлежали ему во всем и всегда имели с ним как своим пастырем свободное сношение; е) чтобы взамен имений, отошедших от разных монастырей и оставшихся в Литве и на Волыни, государь велел отвести другие имения вблизи Киева, а те имения, которые бесправно отняты у церкви и монастырей разными лицами, были возвращены прежним владельцам; ж) чтобы никого из духовных лиц Малой России насильно не тягали в Великую Россию, а когда кому-либо из них прилучится по делам побывать в Великой России, они не были там задерживаемы. Представляя государю все эти статьи, Иннокентий Гизель присовокупил к ним еще свою челобитную от имени Киевского митрополита и всего освященного Собора, в которой писал: "Киевский митрополит бьет с нами челом Вашему царскому величеству о всех вольностях и правах, но наиболее о первой вольности, которая служит корнем всех наших вольностей и прав, о послушании нашему верховнейшему пастырю Константинопольскому, до которого нас и право Божие чрез св. апостола Андрея и каноны св. отец прилучили и совокупили. Не гнушается Киевский митрополит и не возбраняет нам творить послушание патриарху Московскому и всея России, зная, что и его престол установлен Духом Святым. Но ужасается, да не вменит Бог этого дела в грех, ибо что Вселенским Собором узаконено и утверждено, то не может быть изменено, разве только Вселенским же Собором, а Вселенский Собор может состояться лишь единодушным согласием всех патриархов и их поместных Соборов. Потому митрополит Киевский смиренно и прилежно молит с нами Ваше царское величество оставить нас при нашем пастыре, ибо на этом основании все наши вольности созданы. Если же мы не сподобимся в этом Вашей царской милости, тогда митрополит Киевский со всем духовенством

начнет очень скорбеть и унывать, также и иные духовные, которые еще не находятся под крепкою рукою Вашего величества, но, как известно, усердно желают находиться, видя нашу скорбь, начнут малодушествовать. Усердно молит Киевский митрополит со всем освященным Собором: покажи нам свою милость и подай скорбящей Церкви Российской утешение". Вот до какой степени не хотелось Киевскому митрополиту и духовенству переходить из подчинения Цареградскому патриарху под власть Московского! Это подчинение они считали корнем и основанием всех своих прав и вольностей, потому что оно было только номинальное и давало полный простор Киевскому митрополиту жить и править своею Церковью по своей воле, независимо ни от кого и без всякого контроля.

Вместе с грамотою митрополита и относящимися к ней грамотами гетманскими послы представили государю и другие грамоты: от епископа Черниговского Зосимы Прокоповича и от киевских монастырей. Носима, проживавший в Печерской лавре, вероятно, в качестве коадьютора, или викария, Киевского митрополита, ни о чем не просил государя, а только восхвалял его крепкую любовь к Богу и ревность о благочестии, подвигшие его вооружиться против врагов православия и оставить свои царские палаты для трудов бранных, кланялся государю до лица земли, лобызал его царскую руку и высказывал желание, да поможет ему Бог одолеть всех супостатов, восстающих на скипетр царский и веру православную. Киевские монастыри просили каждый о своих частных нуждах и об утверждении своих прав. С этою целию прислали Печерская лавра две грамоты: одну от настоятеля, другую от гетмана; Златоверхий Михайловский монастырь - также две: от настоятеля и от гетмана; Братский училищный монастырь - три: от наместника монастыря, от гетмана и от бывшего ученика братских училищ, войскового писаря Ивана Выговского. За Никольский Пустынный монастырь были две грамоты: от гетмана и от писаря Выговского и челобитная от самого настоятеля Иннокентия Гизеля. О Выдубицком монастыре ходатайствовал своею грамотою гетман. Ко всем этим грамотам приложена была общая челобитная настоятелей киевских монастырей с подробным перечнем нужд и просьб каждого из них.

Какой же был ответ на все эти грамоты и просьбы Киевского митрополита и малороссийского духовенства вместе с грамотами самого гетмана и войскового писаря? Решение свое государь объявил чрез думного дьяка самим послам при их отпуске (11 августа) и изложил в своей грамоте гетману Хмельницкому. Он, государь, пожаловал и митрополита, и всех настоятелей названных киевских монастырей: велел дать им жалованные грамоты на все их маетности, какими они тогда владели. Касательно же маетностей, отошедших прежде, при польских королях, от митрополита и от монастырей, государь обещал о возврате им тех маетностей дать указ впоследствии, когда его царские писцы опишут все города, места и земли и всякие угоды Малороссии. "А о которых о иных делах, - говорил государь, - митрополит, и архимандрит печерский, и игумены, и все духовенство нам били челом, мы, великий государь, те дела велели отложить до нашего царского прихода к Москве, а как мы в царствующий наш град Москву придем, то и

велим о тех делах наш указ учинить". Кроме того, государь послал грамоту киевским воеводам, чтобы они никаких домовых людей и крестьян митрополичьих, равно как слуг и крестьян монастырских, сами не судили, а отсылали их к митрополиту и в подлежащие монастыри для суда, да и ни в какие духовные дела не вступались.

Наконец, обделив при отпуске каждого из приходивших духовных послов то соболями, то деньгами, государь пожаловал велел послать свое государево жалованье и в Киев: митрополиту Сильвестру сорок соболей в сто рублей, епископу Зосиме и печерскому архимандриту Иосифу по сороку соболей в семьдесят рублей каждый сорок, да в монастыри Златоверхий Михайловский и Выдубицкий на церковное строенье по сороку соболей в пятьдесят рублей каждый. Вот и все! Значит, духовное посольство приходило из Киева почти напрасно и не достигло почти ничего, так как жалованные грамоты на имения митрополиту и другим духовным лицам Малороссии государь велел дать еще прежде по ходатайству послов, приходивших от гетмана и всего запорожского войска. А главное, не достигло духовное посольство того, за чем преимущественно и было отправляемо и что само называло корнем и основанием всех прав и вольностей малороссийского духовенства, - не достигло, чтобы оставаться Киевской митрополии по-прежнему в подчинении Константинопольскому патриарху и чтобы государь отменил свое роковое решение, данное еще в марте этого года: *"А митрополиту Киевскому, также и иным духовным Малыя России быть под благословением святейшего патриарха Московского и всея Великия, и Малыя, и Белья России, а в права духовные святейший патриарх вступати не будет"*. С этого времени Киевская митрополия по воле государя считалась уже в некоторой степени фактически соединенною с Московским патриархатом, хотя *de jure* числилась еще в округе Константинопольского патриарха и под его власть. В Москве хорошо знали, что по канонам Церкви один патриарх не может взять себе митрополии, принадлежащей другому патриарху, без его на то согласия. И вот на первых порах до получения этого согласия придумали такую хитрую формулу для определения взаимных отношений Киевской митрополии и Московского патриарха: Киевский митрополит и все духовенство должны быть под благословением Московского патриарха, а патриарх этот не будет вступаться в их духовные права. Но Киевская митрополия не ограничивалась пределами одной Малороссии, а простиралась на Белоруссию и Литву. И здесь православные начали присоединяться тогда к Московскому патриархату в разных городах и селах, с своими церквями и монастырями, вслед за тем как эти города и села покорялись русским оружием и присоединялись к Великой России. В тот самый день (1 октября 1653 г.), когда решил государь на земском Соборе принять в свое подданство Малороссию, решено было и объявить Польше войну. Спустя две недели, как отправлено было из Москвы (9 октября) посольство для действительного принятия Малороссии в подданство, государь (23 октября) объявил в соборной церкви в присутствии патриарха Никона и всего освященного Собора свой указ, чтобы в предстоящей борьбе с польским королем воеводам и всяких чинов ратным людям быть без мест и никому ни с кем в отечестве не считаться, велел записать указ в разрядную книгу и закрепил

своею государскою рукою. В феврале (14-го и 27-го числа) следующего года, после того как Малороссия была уже принята в подданство России, сделаны были первые распоряжения к походу против Польши, а с наступлением весны, когда войскам открылась возможность удобно двигаться, начался и поход. В апреле, 23-го числа, в Успенском соборе, который наполнен был ратными людьми всех чинов, патриарх Никон, совершив литургию и молебствие, приблизился вместе с государем к чудотворной Владимирской иконе Богоматери, прочитал здесь молитвы на рать идущим и, приняв из рук государя воеводский наказ, положил его в киот иконы на пелену, потом, взяв этот наказ и передавая воеводам, сказал: "Примите сей наказ от престола Господа Бога и упование держите неизменное... Идите радостно и дерзостно за св. Божии церкви, за благочестивого государя и за всех православных христиан и исполняйте государево повеление безо всякого преткновения. Если же не сотворите по сему государеву наказу, убоитесь и не станете радеть о государевом деле, то восприимете Ананиин и Сапфириин суд". А 26 апреля, когда выступавшее в поход войско проходило через Кремль, мимо государева дворца, Никон кропил войско святою водою и напутствовал его своим благословением и речью. В мае, 15-го числа, выступили из Москвы в поход новые полки, которые также окроплены были патриархом, и государь "отпустил из соборной церкви в Вязьму чудотворную икону Пресв. Богородицы Иверскую, которая принесена (была) в царствующий град Москву от Парфения, патриарха Цареградского". Икону провожали от Успенского собора до Донского монастыря сам государь и патриарх Никон со всем освященным Собором. А за тою иконою отпустил государь Казанского митрополита Корнилия да с ним: из Казани спасского архимандрита Прохора (того самого, который принимал в Переяславе присягу гетмана Хмельницкого и его войска на подданство государю), еще двух архимандритов, трех игуменов и других духовных и наказал им находиться при том чудотворном образе в продолжение всего похода государева. Наконец, 18 мая отправился из Москвы на войну сам государь.

Выступая с войском в поход против Польши, государь издал воззвание ко всем сынам святой Восточной православной Церкви, духовным и мирянам, жившим по городам, местечкам, селам и весям царства Польского и княжества Литовского, и объявлял им, что он услышал наконец моления православных Малороссии и принял их под свою державу, а теперь идет со многими ратными людьми освободить от гонений за веру и всех других православных в Литве и Польше, почему и приглашает их отделиться от поляков и добровольно передаваться ему, государю, еще до прихода его войска, "да сохранены будут их дома и достояние от воинского разорения". Но эти православные еще прежде были подготовлены и возбуждены к тому, чтобы поддаться единоверному государю, известиями из Малороссии, какие получали от самого гетмана Хмельницкого и писаря Выговского. И потому едва только московские дружины вступили в Западнорусский край, находившийся под владычеством Польши, как один за другим начали переходить в их руки тамошние города. Многие города сдавались добровольно, без боя: Дорогобуж, Невель, Белая, Полоцк, Велиж, Гомель, Могилев, Усвят, Шклов, Дубровка. Другие были взяты

московскими воеводами после небольшого сопротивления: Рославль, Мстиславль, Дисно, Друя, Орша, Чечерск, Новый Быхов, Пропойск, Витебск. Более всех городов сопротивлялся Смоленск, но, наконец, сдался 23 сентября самому государю. И все это совершилось в продолжение каких-нибудь пяти месяцев (с июня по ноябрь) 1654 г. В следующем году Алексей Михайлович снова отправился в Литву (11 марта), причем его сопровождали туда Тверской архиепископ Лаврентий и другие духовные лица с Влахернскою чудотворною иконою Богоматери. И в этот раз войсками царя взяты: Вильна, Ковно, Гродно, Пинск и другие города. Словом, под власть московского государя скоро перешли вся Белоруссия и многие местности в Литве. О сдаче или взятии более значительных городов царь тотчас же посылал известие патриарху Никону, и тогда по всем церквам Великой России совершались благодарственные молебствия. И повсюду, по городам и селам новопокоренного края, первым делом новой власти было принятие присяги от жителей и затем восстановление или ограждение и укрепление православия.

В сентябре 1654 г., 15-го числа, царь Алексей Михайлович во внимание к тому, что жители Могилева покорились ему добровольно, пожаловал им свою грамоту, в которой, удовлетворяя всем их просьбам, изложенным и представленным ими на бумаге, между прочим, говорил: "И мы, великий государь царь, города Могилева бурмистров, райцов, и лавников, и мещан пожаловали и указали нашим богомольцам, Могилевскому епископу и впредь будущим епископам, поставлятися в богоспасаемом нашем царствующем граде в Москве (значит, об этом просили сами жители Могилева) от отца нашего и богомольца, великого господина святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, и быть Могилевским епископам и всему освященному Собору Могилевской епископии под благословением святейших патриархов Московских и всея России..." И далее: "А духовных дел не судити (мирским властям), и в духовные дела не вступоватися, и духовных людей, священнический и иноческий чин, на суд к себе не призывать, потому что духовный чин судит епископ Могилевский или его наместники". Впрочем, хотя в Могилеве тогда не было епископа, так как последний Могилевский епископ Иосиф Кононович Горбацкий скончался в 1-й четверти 1653 г., но патриарх Никон не спешил посылать туда от себя нового епископа, а до времени заведовал сам делами Могилевской епархии, как и других соседних, перешедших тогда под власть Московского государства. В декабре 1655 г. он посылал наместника своей Иверской Свято-Озерской обители Филофея с братом Серапионом в Вязьму, Дорогобуж, Смоленск, Оршу, Копыс, Шклов, Могилев и Мстиславль "для ради всякаго церковнаго исправления монастырей", находившихся в этих местах. В конце 1656 г. городские власти и все жители Могилева обратились к Никону с жалобой на старцев своего братского Богоявленского монастыря, что они живут не по-монастырскому, бесчинствуют и продают вино. И Никон, называя себя патриархом всея Великия, и Малыя, и Белья России, послал свою грамоту (от 6 декабря) находившемуся в Могилеве воеводе Бутурлину, чтобы он не велел тем старцам бесчинствовать и по кабакам вина держать, а о непокорных бесчинниках писал к нему, великому государю.

Печальное зрелище представлял собою Смоленск для православных москвичей, когда после сорокалетнего пребывания под властью Польши снова перешел в их руки. В этом издревле православном городе не оставалось теперь ни одной православной церкви и монастыря: все были обращены в униатские и латинские, и здесь имел свою кафедру униатский архиерей. Но в тот же день, как Смоленск сдался, государь приказал всем литовским людям, которые не хотят оставаться под его рукою, удалиться из города куда угодно в Литву, и тогда удалились многие униаты и латиняне с своим духовенством, а некоторые бежали из города еще прежде. На другой день (24 сентября) после сдачи Смоленска Алексей Михайлович велел поставить для себя тафтяную церковь во имя Воскресения Христова пред своим государевым станом против Молоховских ворот города, которая на следующий день и освящена Казанским митрополитом Корнилием. Вслед за тем быстро начали восстанавливаться в Смоленске православные храмы и монастыри, и православие сделалось господствующею верою, как было издревле. Устроение церковных дел в Смоленске могло быть на время поручено патриархом Никоном находившемуся там при царе Алексее Михайловиче с марта по декабрь 1655 г. Тверскому архиепископу Лаврентию. А в 1656 г. по определению Московского Собора назначен был в Смоленск и постоянный епископ, бывший Суздальский, Филарет, которому велено было царским указом взять с собою туда из Переславля половину архиерейской ризницы и несколько человек певчих и детей боярских, служивших при суздальском архиерейском доме. Филарет немедленно обратил в Смоленске униатский собор, построенный по приказанию Сигизмунда III на месте древлеправославного, в собор православный и восстановил монастыри - Авраамиев и Вознесенский, которыми при польском владычестве владели латиняне.

Еще плачевнее было положение православных в Полоцке. Здесь они не только не имели, но и не могли иметь ни одного храма в силу известной грамоты Владислава IV, подтвержденной в 1652 г. Яном Казимиром. Кроме того, здесь издавна господствовали иезуиты с своим коллегиямом; здесь покоились останки особенно чтимого униатами ярого фанатика и гонителя православных Иоасафа Кунцевича; здесь имел пребывание сам униатский митрополит Антоний Селява. Но еще прежде, чем московские войска приблизились к Полоцку, из него бежали иезуиты, как и прочие латинские и униатские монахи, вместе со многими другими латинянами и униатами; бежал и митрополит Селява, забрав с собою церковные сокровища и останки Кунцевича, которые сначала положены были в Жировицком монастыре, а потом перенесены в Замостье. Потому неудивительно, если Полоцк за удалением из него этих врагов православия добровольно сдался московской рати. Государь тотчас по сдаче Полоцка пожаловал жителям его грамоту (от 7 сентября 1654 г.) на разные права и льготы, а затем начал жаловать своими грамотами восстанавливавшиеся в Полоцке монастыри и церкви. Наиболее оказал он своих милостей полоцкому Богоявленскому монастырю и не только утвердил за ним его прежние владения, но и наделил его новыми благодаря преимущественно тому обстоятельству, что игуменом в этом монастыре с 1656 г. сделался умный и ловкий Игнатий Иевлевич, который неоднократно встречал тогда в Полоцке

государя, совершал в присутствии его молебствия и литургию, сказал ему несколько речей и умел заслужить его благоволение. Патриарх Никон для управления Полоцкою епархией на первых порах назначил только наместника Полоцкой епископской кафедры, избрав на эту должность одного из местных монастырских настоятелей, именно игумена витебского Марковского монастыря Каллиста. Этому наместнику Никон дал грамоту, или инструкцию (13 марта 1656 г.), в которой предоставлял ему власть править духовными делами в Полоцке, Витебске и во всех пределах, находившихся под ведением прежних Полоцких епископов, и завещал: а) иметь повиновение и послушание во всем только ему, патриарху Московскому и всея Великия, и Малыя, и Белыя России; б) во всех важных делах и недоумениях обращаться к нему же, патриарху; в) учить народ во всей Полоцкой епархии правоверию и заповедям Христовым, а для обучения детей чтению и доброгласному пению заводить училища и избирать для них благонадежных учителей; г) судить духовенство епархии, белое и монашествующее, и мирян по духовным делам, как судили прежние Полоцкие епископы; д) освящать церкви, новые и прежние, еще не освященные или оскверненные и запустелые, равно и монастыри, и назначать в них, как и во все церкви и монастыри епархии, священников и настоятелей, и отставлять их от мест, если окажутся бесчинными; е) иметь жительство и пребывание в Полоцке при Софийском соборе, где жили прежние епископы, в братском Богоявленском монастыре, и в Витебске при церкви Успения Пресвятой Богородицы, в монастыре Алексия, человека Божия, и владеть всеми дворами и маетностями, какими владели прежние Полоцкие епископы. Но спустя год с небольшим патриарх Никон вызвал Каллиста в Москву и рукоположил его в епископа. В июне 1657 г. его встречал в Полоцке приветственною речью богоявленский игумен Игнатий Иевлевич как пастыря правоверного, дарованного церквам белорусским ревностию Богом венчанного царя, "благословением же высочайшего архиерея святейшего Никона, отца отцам". Вскоре по прибытии на свою кафедру Каллист дал указ (от 23 июня) всем архимандритам, игуменам, священникам и диаконам епархии представить ему свои настольные и ставленные грамоты для подписи и утверждения, равно и униатским попам представить ставленные грамоты для исправления. А в следующем месяце, 18-го числа, послал в Могилев игумена Игнатия Иевлевича и поручил ему, чтобы он определил там в Спасский монастырь нового наместника, кого признает способным, и сам обревизовал в городе соборную церковь и монастыри, а для обозрения приходских церквей в городе и уезде назначил по своему усмотрению какого-либо священника и диакона и чтобы велел всем священнослужителям Могилева и его уезда являться с своими ставленными грамотами в Полоцк для засвидетельствования их, а униатских попов с подвижными антиминсами немедленно выслал из Могилева. Все это показывает, что епископу Каллисту временно отдан был в управление и Могилев с уездом. В 1648 г. патриарх Никон по просьбе богоявленского игумена Игнатия и всей братии изъял своею грамотою от 27 марта этот монастырь из-под власти Полоцкого епископа Каллиста и взял в свое непосредственное ведение в качестве патриаршей ставропигии, а царь Алексей

Михайлович пожаловал тому монастырю новую грамоту (от 11 сентября) на вотчины.

Желая прочнее утвердить и оградить православие в новопокоренном Западном крае, царь Алексей Михайлович приказывал совсем удалять из городов и из сел последователей унии, чтобы они не соблазняли и не увлекали православных. И когда в 1657 г. он услышал, что униаты начали возвращаться в Вильну и другие города и уезды и отправлять службу по своему обычаю, то послал грамоту своим воеводам, находившимся в том крае, чтобы они тотчас же выслали из Вильны и иных городов и мест всех униатов и впредь высылали вон и нигде не принимали. Виленский воевода князь Шаховской, получив эту царскую грамоту, собрал в съезжую избу всех державшихся унии бурмистров, райцев и мещан и объявил им, чтобы они или принимали православие, или удалились вон из города по указу государеву. И те виленские бурмистры, райцы и мещане, пришедши чрез несколько времени к воеводе в съезжую избу, сказали, что они готовы принять православие. Воевода, переписав имена их, отдал эту рукопись в Свято-Духов монастырь наместнику Даниилу Дорофееву, чтобы он принял их в православную Церковь. Подобное могло случиться и в других городах и местах края. Это сильно встревожило униатских епископов. Епископы Холмский Яков Суша и Полоцкий Гавриил Коленда обратились с просьбою к самому папе (от 12 марта 1658 г.), а вслед за ними и все униатское духовенство и монашество (от 14 июля и 3 августа), чтобы он заставил короля Яна Казимира заступиться за них пред царем московским и объяснить ему, что униаты неразрывно связаны с Римскою Церковию и что если московское правительство терпит, не преследует в Вильне римских католиков, то должно терпеть и униатов, причем выражали желание, чтобы царь дозволил устроить Собор униатского духовенства с московским, и уверенность, что они докажут на Соборе истинность своей веры и, может быть, обратят самую Москву к унии. Достоинно замечания, что царь приказывал тогда виленскому воеводе отыскать и прислать в Москву чудотворную икону Богоматери, писанную, по преданию, евангелистом Лукою, вероятно, ту самую, которою некогда благословил великий князь московский Иван Васильевич III дочь свою Елену, отпуская ее в землю Литовскую. Но этой иконы, сколько ни искали не только в Вильне, но и по другим местам, отыскать не могли: униатские монахи ее куда-то скрыли.

Перенесемся мыслию опять в Киев и Малороссию: что происходило там в церковном отношении? Киевляне, несомненно, признавали Никона своим патриархом. В мае 1654 г., отправляя от себя посольство в Москву, чтобы получить утверждение своих городских прав от государя, они писали и к Никону, просили его ходатайства и называли его святейшим патриархом не только всей Великой, но и Малой России. И случилось так, что за отсутствием царя Алексея Михайловича все приговоры бояр по просьбам киевлян утвердил "великий государь, святейший патриарх" Никон. Гетман Хмельницкий со всем запорожским войском также признавал Никона своим патриархом, как мы видели из грамоты гетмана, где он неоднократно называл Никона своим великим святителем, своим "зверхнейшим" пастырем. Чаше других писал к Никону войсковой писарь Выговский, называя его также патриархом и Малой

России, сообщал ему разные известия, просил его ходатайств, получал от него ответные грамоты и благословения. Но духовенство киевское ничем ясно не обнаруживало, что признает Никона своим патриархом, хотя и обязано было находиться под его благословением волею государя. Оно не было удовлетворено в своих желаниях и просьбах московским правительством. Царь не оставил за киевскою иерархией древнего права пользоваться почти совершенною независимостию под номинальною властью Цареградского патриарха и утвердил за духовными лицами только те их имения, какие находились в Малороссии, но ничего не дал взамен тех имений, которые остались в пределах Польши и которых духовенство лишилось по присоединении Малороссии к Москве. Между тем вознаграждения за эти-то потерянные имения духовенство всего более и желало и ожидало от своего нового государя, а имения, находившиеся в самой Малороссии, достаточно ограждались для духовенства властью одного гетмана. Гетман Хмельницкий как до присоединения Малороссии к России, так и после присоединения сам раздавал киевским и другим монастырям грамоты и этими грамотами не только утверждал и охранял их прежние владения, но иногда наделял их и новыми. Так, Киево-Михайловскому девичьему монастырю пожаловал два села на пропитание; лубенскому Мгарскому отдал сеножати, принадлежавшие ксендзам бернардинам; Киево-братскому училищному - маетности, принадлежавшие ксендзам доминиканам, и пять селений под Фастовом, бывших во владении иезуитов. Киевское духовенство не могло не чувствовать, что положение его под властью Москвы на первых порах не улучшилось, а сделалось даже хуже, чем было прежде при польском правительстве, и, естественно, не могло быть довольным своею новою участию. Оно покорялось московским властям, исполняло их волю, но не была ли эта покорность только наружною? Когда в январе 1655 г. царь Алексей Михайлович прислал к киевским воеводам грамоту о своих победах в Белоруссии и приказал, чтобы воеводы, созвав в Софийский собор духовенство и мирян, объявили им эту грамоту и велели совершить благодарственное молебствие, то по зову воевод явились в соборную церковь архимандриты печерский Иосиф Тризна и Михайловский Феодосий Василевич, равно игумены и других монастырей, и протопопы, и попы, и весь освященный Собор, и отправили торжественное молебствие. А "Киевский митрополит Селивестр, - как извещали воеводы царя, - за болезнь в соборной церкви у молебна не был, и мы твою государеву грамоту объявили ему в келье. И митрополит, слушав грамоту, учал Богу хвалу воздавать и велел на радости у себя в монастыре из пушек стрелять". Но скоро обстоятельства начали было располагаться не в пользу Москвы. Хмельницкий и московский воевода Шереметев в том же месяце январе встретились с татарским и польским войсками под Ахматовом и принуждены были отступить к Белой Церкви, а из Белоруссии стали доноситься вести, что некоторые из покорившихся царю городов изменяют ему и передаются полякам и что литовский гетман Радзивилл уже осадил Могилев. И вот тот же самый архимандрит Феодосий Василевич, который недавно вместе с прочим киевским духовенством совершал в Софийском соборе молебствие по случаю побед московского государя в Белоруссии, тот самый Феодосий, который в июле прошлого года посылал к

царю Алексею Михайловичу челобитную и уверял его в своей непоколебимой преданности и о котором тогда же Хмельницкий говорил царю: "Той архимандрит зело потребен есть Церкви святой, искусен муж и премудр, и на вся дела вере нашей благочестивой благопотребен, и тебе, великому государю нашему, верен, и всякаго добра прямо желает", - тот самый архимандрит Феодосий внезапно очутился теперь (в марте и апреле 1655 г.) в стане литовского гетмана Радзивилла под Могилевом и старался убедить осажденных могилевцев, чтобы они сдались польскому войску. Он рассчитывал более всего подействовать на них ложными известиями об опасности, и переслал в Могилев два свои письма, совершенно сходные по содержанию, одно к бурмистрам, радцам и лавникам, другое к отцу мукачевскому и вообще к духовенству, и в письмах говорил: "Я едва убежал из Украйны, совсем уже завоеванной ордою и коронным войском, и не мог найти себе более безопасного пристанища, как тут, в Литовском крае. Да и все духовенство радо бы перейти сюда, если бы не мешали татарские разъезды. Сам его милость митрополит имел намерение удалиться в Могилев, не ведая о вашей несчастной и пагубной для нашей веры измене, что вы своему прямому пану (королю) не покоряетесь и сделались его врагами. Теперь я подлинно узнал, что отец митрополит изволит направить свой путь куда-либо в другое место, а не сюда. Только дал бы ему Бог безопасно высвободиться из-за Днепра, где ныне находится. Киев подлинно завоеван, ибо при мне орда с польским войском была в осми милях от него. Белая Церковь, Бреславль, Корсунь, Умань и другие города орда опустошила и разграбила. Сам Хмельницкий с несколькими десятками всадников как в воду канул, и не знают, где ныне находится. Московского войска с Бутурлиным и Шереметевым было двенадцать тысяч, и оно так побито, что едва нечто ушло. А орды 80000 и коронного войска 50000, и они, завоевав Украйну, готовятся идти на столицу Москву. Москвитяне в великих попыхах и уже из Путивля уходят. Мы же, убогие, с его милостию отцом митрополитом и со всеми духовными ничего другого для себя и придумать не можем, как только приютиться здесь, в Литве, возлагая всю надежду на Бога и на милость князя (Радзивилла). Только то нам мешает, что ваши милости не хотите покориться пану гетману (т. е. Радзивиллу)..." Но могилевцы не только не послушали этих писем, а еще задержали у себя монаха Арсения, посланного к ним Феодосием Василевичем. Разгневанный Василевич написал к ним новое письмо на имя духовенства и мещан в следующих словах: "Окаменело сердце ваше; вы и Бога в себе не имеете, и, конечно, не в состоянии ни мыслить, ни делать ничего доброго. Я думал, что вы почитаете пастырскую власть отца митрополита, от которого я приехал сюда для убеждения вас его именем, и, не желая вашей гибели, просил именем того же митрополита князя (Радзивилла), чтобы он сохранил вас в целости, когда покорит. А вы, когда я забочусь о вашей целости, воздавая мне злом за добро, не только не хотите опомниться, но еще о. Арсения схватили, который для вас вместе со мною трудился. Это злое дело совершили вы в вечную укоризну священному сану и в бесчестье уже не мне только, но и отцу митрополиту, которого я наместник... Я говорю вам как духовный ваш пастырь и прошу, под клятвою архиерейскою прошу: одумайтесь, возвратите о. Арсения, склонитесь на истину и вышлите с о. Арсением ваше окончательное решение.

Если же этого не сделаете, пусть казнит вас Бог временно и вечно; пусть город ваш погибнет, как Иерихон, Содом и Гоморра, и да будут имена ваши изглажены из книги живота - это я изрекаю вам именем отца митрополита с вечным проклятием..." Но ни устрашения, ни проклятия Василевича не подействовали на жителей Могилева; они не покорились, отбили приступы Радзивилла, остались верными московскому государю и переслали к нему самые письма Василевича вместе с другими подобными. В подписях под своими письмами Феодосий Василевич называл себя не только игуменом (киево-) михайловским и архимандритом слуцким, но и "икономом-наместником митрополии Корунной", т. е. наместником митрополита в той части его митрополитской епархии, которая находилась еще в пределах Польши. Этим достаточно объясняется, по-видимому, недостойный образ действий Феодосия Василевича. Когда он действовал в Киеве как игумен михайловский, он действовал как подданный московского государя, исполнял его волю, покорялся московским властям. Но когда действовал в пределах Польши как архимандрит слуцкий и наместник митрополии Коронной, он действовал как подданный короля польского и должен был покоряться польским властям из опасения лишиться всего. И очень возможно, что гетман Радзивилл, двигаясь с своим войском, случайно застал Феодосия в его Слуцкой обители, взял его с собою и приказал ему писать в Могилев от имени самого митрополита те самые письма, какие, рад не рад, писал Феодосий. Во всяком случае утверждать ввиду тогдашних обстоятельств, будто Феодосий писал эти письма по собственному желанию и убеждению, или будто бы писал по приказанию, или с согласия самого митрополита, было бы явною несправедливостью. Митрополит, сидя в Киеве, мог вовсе не знать, что пришлось делать его наместнику и его именем под Могилевом. Для Феодосия это дело не прошло даром: он лишился Михайловского игуменства в Киеве и остался только слуцким архимандритом, т. е. подданным польского короля. А к митрополиту Сильвестру могилевцы сохраняли добрые отношения, несмотря на то что от его лица Василевич предавал их проклятию за непокорность Польше. В сентябре 1656 г. митрополит прислал им свою грамоту, в которой благодарил их за то, что они по своей сыновней любви не забывали его в его великих нуждах своими щедрыми приношениями, и давал обещание молиться за них Богу, да воздаст им за такую любовь всякими благами. Кроме того, митрополит писал: "Хотел бы уведомить вас о делах Церкви Божией, но бумаге поверить того невозможно. Да будет, однако ж, ведомо вам: скоро та комиссия кончится. Ибо теперь и царь, его милость, затруднен военными занятиями, которые да окончат счастливо к умножению православия, молю Господа Бога". Что это за комиссия, о которой упоминает митрополит? Она, очевидно, была по делам Церкви и, может быть, занималась теми самыми делами, о которых в августе 1654 г. просили Киевский митрополит и все духовенство царя Алексея Михайловича чрез своих послов под Смоленском и решение которых царь отложил тогда до возвращения своего в Москву. Что сделала эта комиссия, в какой мере удовлетворила она просьбе киевского духовенства, определила ли в подробностях отношения его к Московскому патриарху, осталось неизвестным.

Сохранилась одна небольшая грамота патриарха Никона к митрополиту Сильвестру Коссову (черновая, с поправками), довольно ясно показывающая, как относился первый к последнему. Грамота эта следующая: "Божиею милостию великий государь святейший Никон, архиепископ царствующаго града Москвы и всея Великия, и Малыя, и Белыя России, и всея северныя страны и Помория и многих государств патриарх, возлюбленному в Дусе сыну Сильвестру Коссову, преосвященному архиепископу, митрополиту Киевскому, Галицкому (*экзарсе св. трону Консппантинопольскаго* - эти слова зачеркнуты) мир Божий и наше благословение. Непрестанно мы, возлюбленне, на уме имуще Спасителя нашего Христа о любви заповедание, восхотехом к тебе zde назнаменати, да, присно во евангельских заповедех пребывая, должную (сыновнюю - зачеркнуто) любовь к нам (*пастырю твоему* - зачеркнуто) показуеши (*ведый нас, тебе, яко сына нашего в Дусе приискренняго, любящих* - зачеркнуто) и часто о (*добром твоем жительстве слышати волящих, еже наше изволение писанием твоим нам сказуй* - зачеркнуто) здравии твоем возвещая. Веждь же нас милосердием Божиим здравых быти и в будущее в тойже доброй надежди упование полагати. Хошем же убо, да присно о многолетнем великаго нашего государя царя и великаго князя Алексея Михайловича здравии и благополучении Бога Вседержителя молиши (*и во всех его царского величества делех, яже суть у вас, добрая и полезная строити* - зачеркнуто) и с киевскими его царскаго величества воеводами мир и должную любовь (*во исполнение его царского величества повелений, да* - зачеркнуто) имеши; даже отвсюду его царскаго величества повеление добре исполняемо имать быти всем христианом на благополучное и многолюбное веселие, еже и ты со усердием исполняя добре и немятежне (*возлюбленный в Дусе сыне* - зачеркнуто). Здравствуй, и благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Св. Духа да будет со всеми нами же и вами непрестанно. (На обороте.) Дана в царствующем и богохранимом граде Москве, в дому Пресвятыя Богородицы, в лето от Воплощения Единосущнаго безначальному Отцу Слова 1656, мая 10". Таким образом Никон хотя признавал Киевского митрополита своим духовным сыном, преподавал ему свое благословение, требовал от него должной любви к себе, но в то же время как бы стеснялся прямо назвать себя его пастырем. И есть данные, которые свидетельствуют, что Никон действительно не управлял Киевскою митрополиею как ее верховный пастырь, не вступался в ее церковные дела. В 1655 г. нужно было избрать и поставить игумена в Киево-Михайловский монастырь на место Феодосия Василевича, архимандрита слущкого. Это избрание и поставление совершилось без всякого участия со стороны Никона. Нового игумена, именно Феодосия Сафоновича, бывшего наместника Киево-братского монастыря, избрала себе сама братия Киево-Михайловского монастыря на основании своих стародавних прав, утвердил своею грамотою (от 2 июня) гетман Хмельницкий и благословил Киевский митрополит Сильвестр. Нужно было избрать и поставить нового епископа на Черниговскую кафедру, и это совершилось без видимого участия патриарха Никона. Новый епископ Черниговский Лазарь Баранович, бывший ректор киево-братского коллегиума, избран был "мирным и благоизволенным духовнаго и мирскаго чину советом" и поставлен 8 марта 1657 г. в Яссах Сочавским митрополитом Гедеоном, который

в настольной грамоте Лазарю говорил, что посвятил его, имея "истинное свидетельство" и от митрополита Киевского Сильвестра Коссова, и от гетмана Хмельницкого, и от генерального писаря Ивана Выговского. Значит, это сделалось с их общего согласия. Сам митрополит Сильвестр не рукоположил нового епископа для Черниговской епархии, всего вероятнее, по своей тяжкой предсмертной болезни. Но успел дать ему от себя благословенную грамоту от 12 апреля, за день до своей кончины. В грамоте этой первосвященник говорил: "Смирение наше, зря вдовеющую без предстателя и архиерея святейшую епископию Черниговскую, преставлену сущу от земных к небесным ея предводителю, блаженной памяти господину отцу Зосиме, тщание вседушно творити не вознераде, да не намного времени Христовы разумныя овцы, пастыря не имуща, растлятся... обрете мужа благочестива и всякими от Бога добродетельными нравами и целомудрием украшена, во иноческом житии от юности совершение воспитанна, господина отца Лазаря Барановича, ректора киевскаго, св. православной Церкви многа блага соделавша. Сего, глаголю, мужа святым и благоподобным обычаем церковным, по преданию апостолов и богоносных отец на престоле святейшия помененныя Черниговския Церкви благословили..." Почему же митрополит Сильвестр отправил Лазаря Барановича для рукоположения не в Москву, а в Яссы? И как могли согласиться на это гетман и Выговский, особенно последний, столько, казалось, преданный патриарху Никону? Можно думать, что дело устроилось не без ведома самого Никона. Он мог дать только свое согласие и благословение, чтобы в Чернигов был избран и посвящен новый епископ; самое же избрание и посвящение его предоставил совершить по древним правам Киевской митрополии, в которые не должен был вступаться. И так как Киевский митрополит, считавшийся еще в церковном округе Цареградского патриарха, не в силах был рукоположить избранного на Черниговскую кафедру сам, то и просил об этом другого митрополита, Сочавского, находившегося в том же патриаршем округе. А что Никон не считал себя вправе вступаться в дела Киевской митрополии, как принадлежавшей Цареградскому патриарху, об этом он сам впоследствии писал Цареградскому патриарху Дионисию.

Митрополит Сильвестр Коссов скончался 13 апреля 1657 г. В киево-могилянском училищном коллегиуме составили в честь его обширный панегирик, написанный на употреблявшемся тогда в Киеве польско-русском наречии, ныне почти невразумительном, панегирик, весьма богатый фразами и разными схоластическими хитросплетениями и риторическими украшениями, но крайне скудный историческим содержанием. В первой половине этого панегирика, изложенной прозою, восхваляли преимущественно три достоинства скончавшегося святителя: его заботливость о благе Церкви, его терпеливость среди трудных обстоятельств его пастырского служения и его мудрость, но восхваляли более общими чертами, почти без указаний на какие-либо частные случаи в его жизни. Вот, например, как изображали его заботливость о благе Церкви: "Не Сильвестр, не лесной ("Silvester" на латинском языке значит "лесной, дикий") был он для вас, сыны России, а вернее, Соль-вестр (sol vester) - солнце ваше. Избранная Церковь Христова имела в нем пастыря своего, избранного, как солнце. Положил Бог солнце то в область дня для вас, сынов

российских, ходящих во дне кафолической апостольской веры, и солнце то непрестанно сияло пред лицом Господним. Шло оно по своему зодиаку и вступало в знак льва: тогда, как лев, устремлялось на еретиков и бесстыдных отступников от Церкви Божией и устрашало их голосом своим, голосом силы. Вступало в знак овна: тогда с любовью принимало к себе послушных своих овец и питало на лоне своем... Но хотя Церковь Российская говорила о нем: "Благ есть", многие вопили: "Нет, но льстит народы". Держащиеся пышного римского двора говорили о нем: "Льстит народы". Проклятая секта униатская, отлученная от добрых и соединенная с лукавыми, говорила о нем: "Льстит народы". Еретики, эта фальшивая серебряная монета, имеющая только снаружи царское изображение, без внутреннего достоинства, имеющие образ благочестия, силы же его отвергнувшиеся, говорили о нем: "Льстит народы"... О терпеливости митрополита Сильвестра в панегирике ему читаем: "Раз дали знать языческому мудрецу Зенону, что корабль на море разбит волнами и потонул. Что же Зенон? Он не только не смутился и не изменился в лице, но весело сказал: "Фортуна учит меня равнодушнее философствовать". Не раз давали знать почившему в Бозе преосвященному пастырю нашему еще и тогда, как он был епископом Белорусским, что своевольные скопища, как морские волны, разбивают корабль Церкви Божией, расхищают ее сокровища, то на сеймах, то на трибуналах, то на сеймиках ведут несправедливые суды, чтобы погубить корабль Восточной Церкви, отобрать все ее имения. А он, почивший, возвышаясь над всем этим, говаривал не как тот языческий философ о фортуне, но как христианский пастырь: "Все в мире управляет Бог Своим Провидением". И, полагаясь на Промысл Божий, терпеливо переносил пастырь наш Российский все, не оставляя своего епископского служения... И разве мало ран переносил на теле своем пастырь наш, отошедший к Богу? Разве мало перетерпел невзгод, когда ездил от трибунала до трибунала, от сейма до сейма то в княжестве Литовском, то в Короне Польской, не щадя своего здоровья? Разве мало вытерпел несносных болезней, нося на раменах своих немалое бремя? Кому сан епископский был honos (честь), а ему opus (бремя)...". Наконец, относительно мудрости Коссова в панегирике сказано: "Не раз отступники, враги Церкви Восточной, видя его мудрость, слыша его разумные слова, завидовали Восточной Церкви, что она имеет такого пастыря, и усиливались привлечь его к Церкви Западной, обещая ему высокие достоинства и почести и указывая на примеры Потеев, Рагоз, Смотрицких и подобных отступников. Но он говаривал в ответ: "Мудрый все, что ни делает, делает только для благочестия..." Сам лжеархиепископ Полоцкий уступал ему, когда еще он был епископом Белорусским, даже свою архиепископскую кафедру, но он, как столп, остался непоколебимым... Кто возбранит нам начертать на этом столпе Церкви Российской слово "мудрость"? Не коллегия ли киевский? Но он вдоволь наслушался его мудрых речей, науки философии, когда почивший был в нем знаменитым профессором философии. Не консистория ли Киевской митрополии, что при храме Софии, Мудрости Божией? Но консистория вдоволь пользовалась его мудрыми советами, и церковь Софии Мудрости имела в нем мудрого стража, от премудрого Бога ей дарованного. Не вся ли Россия? Но она знает его мудрость, читая его Патерик или жития св. отцов Печерских и другие

книги. Не из противных ли кто-либо и особенно не из кола ли сенаторов польских? Но они сами были свидетелями, как он в 1650 г., явившись посреди них, сенаторов светских и духовных, с отважным сердцем, с сердцем пастырским, говорил, к удивлению всех, о вере православной католической, заступаясь за Церковь Божию. Все тогда признали, что он мудр, что Дух Божий вещал его устами, что он был исполнен духа премудрости и разума, духа совета и крепости..." Во второй, или последней, половине панегирика, написанной силлабическими стихами, воспевались одна за другою крайне изысканно и многословно составные части герба Коссова: литера N, лев в клетке, стрела и пр. или, точнее, воспевались разные достоинства Коссова применительно к этим частям его герба и, наконец, излагались сетования и плач при гробе Коссова в форме акrostиха на его имя и звания, как архиепископа, митрополита Киевского, Галицкого и всея России, экзарха святейшего апостольского Константинопольского трону.

В трудных обстоятельствах пришлось действовать митрополиту Сильвестру Коссову, когда совершалось и совершилось присоединение Малороссии к Московской державе. Одна часть его митрополии, находившейся в Малороссии, переходила и перешла под власть Москвы; другая, большая, часть оставалась в пределах Польши. Нужно было ему покоряться и угождать московскому правительству, но так, чтобы не раздражить против себя и против своих единоверцев в Литве и Польше польского правительства. Притом хотя Малороссия и поддалась русскому царю, а вскоре и Белоруссия покорилась его оружию, но никто не мог поручиться, что так останется навсегда, что поляки не возвратят себе этих потерянных провинций и не овладеют снова самим Киевом. Не говорим уже о личных интересах митрополита Сильвестра, которым более благоприятствовало прежнее положение его под владычеством польским. Неудивительно, если он принужден был как бы двоиться и разом служить двум господам, если поведение его казалось каким-то скрытным, нерешительным, двусмысленным и не вполне отвечало желаниям и видам правительственной власти в Москве. При всем том роковое событие совершилось в его управление Западнорусскою Церковию: при нем соединилась она с Восточнорусскою Церковию, хотя это соединение было пока неполное или только начало соединения, соединение лишь фактическое, а не правовое, соединение, которое не раз еще более или менее нарушалось, пока не утвердилось окончательно с согласия самого Константинопольского патриарха. Еще при жизни Киевского митрополита Сильвестра Коссова Московский патриарх начал называться патриархом всея не только Великия, но и Малыя, и Белья России.